ЯКУТОП

Ирина Талинская

Ирина Талинская

ЯКУТОП

«Автор»
2026

Талинская И.

ЯКУТОП / И. Талинская — «Автор», 2026

Шестнадцатилетнего подростка Илью Смирнова отправляют в школу-интернат, которая находится в Сибири в отдалении от города. Катаясь на лыжах, он видит незнакомую фигуру человека возле заснеженного камня, напоминающего надгробие. Илья проваливается в яму рядом с камнем и ударяется головой. Там он видит другого человека, изможденного и просящего о помощи. С этого времени в школе начинают происходить необъяснимые вещи и Илья не может понять, что происходит на самом деле, а что лишь в его голове. В этом и предстоит ему разобраться...

© Талинская И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Якутоп 6
Глава 2. Камень под снегом 14
Глава 3. Яма 21
Глава 4. Следы на подоконнике 27
Глава 5. Урок истории 33
Глава 6. Открытое окно 40
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Ирина Талинская
ЯКУТОП

Глава 1. Якутоп

Машина шла последний час по дороге, которую отец называл «направлением», а не дорогой: две колеи, выдавленные в снегу грузовиками, и справа-слева стена тайги, такая плотная, что казалось, будто лес стоит сплошной стеной до самого Иртыша. Снег валил с обеда, мягкими большими хлопьями, которые не таяли на капоте, а копились, и дворники сгребали их в серые валики по краям лобового стекла. Отец вёл молча, сверяясь с навигатором, который то и дело терял сигнал и показывал машину где-то посреди белого пятна без единой подписи. Январь после Нового года всегда казался Илье самым долгим месяцем в году, тёмным с четырёх часов дня, и то, что отец выбрал именно эти дни, чтобы везти его в интернат, вместо того чтобы отправить сразу первого сентября, не удивляло: он тянул до последнего, надеясь, видимо, что сын одумается сам.

За сорок минут до ворот отец заговорил, не отрывая взгляда от дороги.

— Распорядок там жёсткий. Подъём, построение, физкультура каждый день. Это тебе не домашний компьютер и не твои кружки.

Он произнёс слово «кружки» так, будто речь шла о чём-то постыдном, вроде вышивания крестиком. Илья смотрел в окно на мелькающие стволы сосен, облепленные снегом с одной стороны, и подумал, что мог бы ответить что-нибудь про олимпиаду по физике, про грамоту, которая до сих пор лежала у него в рюкзаке свёрнутой в трубочку, потому что дома её никто не повесил на стену. Но промолчал. Отец не спрашивал, что думает сам Илья, он никогда не спрашивал, он просто информировал, как перед построением.

— Там из тебя сделают человека, — добавил отец ещё через несколько километров, и это было последнее, что он сказал до самых ворот.

Ворота школы показались из снегопада внезапно: кованая решётка, вмёрзшая в сугробы по бокам, и за ней — длинное трехэтажное здание с жёлтыми окнами, светившимися сквозь белую муть, будто кто-то прорезал в темноте аккуратные квадратные дыры. На воротах была кованая надпись "Якутоп". Машина остановилась, двигатель заурчал на холостых, и из приземистой сторожки вышла женщина в пуховике поверх форменного пиджака, с папкой подмышке, явно ждавшая их именно в этот момент, несмотря на снег.

— Смирнов Илья? — спросила она, когда отец опустил стекло, впуская в салон морозный воздух и запах снега, пахнущего почему-то железом. — Завуч по воспитательной работе, Ольга Петровна. Проходите, зарегистрируем, распорядок дня висит в каждом крыле, отбой в десять, подъём в семь, выход за территорию только по заявлению.

Она проговорила это ровно, глядя то на отца, то на какую-то точку между ними, явно повторяя одно и то же каждому новому родителю по нескольку раз в год. Отец кивнул, коротко, по-военному, и не посмотрел на сына, будто расписание касалось только взрослых, а Илье полагалось просто стоять и слушать, как о нём договариваются.

Илья переступил с ноги на ногу, сапоги уже промокли на подошвах, и, не выдержав тишины между словами завуча, сказал, пытаясь, чтобы вышло легко:

— Здесь, наверное, даже снеговик замёрзнет, пока его лепишь.

Ольга Петровна чуть улыбнулась краем рта, скорее из вежливости, чем от шутки. Отец не отреагировал вовсе, будто не услышал, и это молчание отозвалось в груди Ильи сильнее, чем если бы отец отчитал его за несерьёзность. Он посмотрел на отца сбоку: тот уже доставал из багажника чемодан, неловко, в перчатках, и тёмная куртка на его плечах покрылась снегом за те несколько секунд, что он стоял снаружи машины.

— Вещи вот здесь, — сказал отец, ставя чемодан рядом с ногой Ильи, и, выпрямившись, впервые за весь день посмотрел на него прямо, но взгляд этот не задержался, скользнул куда-то за плечо, на здание школы. — Звони по воскресеньям. Учись хорошо.

Илья ждал ещё секунду, не двигаясь, будто фраза могла продолжиться, обрасти чем-то ещё, хоть одним словом не про дисциплину. Снег падал ему на воротник, таял там, где касался кожи, и он подумал, что холод в этом снеге честнее, чем то, что происходило сейчас между ними.

— Ладно, — сказал он просто.

Отец сел обратно за руль, хлопнул дверцей, и стекло снова поднялось, отрезая звук двигателя от морозного воздуха. Перед тем как тронуться, он опустил стекло ещё раз, буквально на пару сантиметров, и бросил в щель:

— Веди себя как мужчина.

Машина развернулась, взбивая снег под колёсами, и покатила обратно по колее, из которой приехала. Илья стоял у ворот с чемоданом возле ноги и смотрел, как задние фонари превращаются сначала в два размытых красных пятна, потом в одно, а потом пропадают совсем, растворённые в снегопаде так плотно, будто дороги назад никогда и не было.

* * *

Спортзал пах мастикой и чужим потом. Канат свисал с балки под потолком, толстый, в пятнах мела на том месте, где его хватали руки, и Илья смотрел на него снизу вверх, прикидывая высоту, на которой отметка требовала остановиться. Три метра казались вдвое больше, чем на самом деле.

Виктор Петрович, невысокий, но плотный, с сорванным от крика голосом, выстроил класс в линию вдоль стены.

— Подъём по канату, норматив для мальчиков — три метра без помощи ног, — сказал он, не глядя ни на кого в отдельности, будто это касалось воздуха в зале, а не конкретных людей. — Кто не был в школе осенью, когда сдавали, подходит первым. Смирнов, ты из новеньких. Давай.

Класс чуть зашевелился, кто-то присвистнул негромко. Илья вышел из линии, чувствуя, как форменная футболка липнет к спине ещё до того, как он коснулся каната. Он обхватил его руками, упёрся коленями, как показывал Виктор Петрович на остальных, и потянул себя вверх.

Первые полметра дались легко, тело ещё помнило, что нужно делать, руки держали вес. Дальше начало тянуть в плечах, и к середине пути мышцы уже не слушались так, как он хотел, предплечья горели, а канат будто стал толще и скользче одновременно. Он остановился, повис, пытаясь перехватиться выше, и в этот момент пальцы разжались сами, без его согласия.

Падение было коротким, зал ударил его снизу матом, но звук удара потерялся в хохоте, который начался раньше, чем Илья успел понять, что уже лежит. Кто-то захлопал в ладоши нарочито медленно, издевательски.

— Смирнов, ты метр прошёл, молодец, — сказал Виктор Петрович без особой насмешки, скорее устало, делая пометку в журнале.

Илья сел на мате, щёки горели сильнее, чем ладони от каната, и он уже готов был встать и отойти к стене, не глядя ни на кого, когда голос Паши Бессонова, по кличке Бес, прорезал смех остальных, будто специально дождавшись паузы.

— Очкарик решил, что канат — это формула, — сказал Паша, скрестив руки на груди, стоя чуть впереди остальных, явно наслаждаясь тем, что все уже смотрят на него. — Думал, если долго считать, он сам подтянется.

Смех стал громче, кто-то из девчонок прыснул, прикрыв рот рукой. Илья поднялся, отряхнул колени, хотя отряхивать было нечего, просто чтобы руки были заняты, пока он придумывал, что сказать. Молчать было хуже, чем ответить, молчание здесь читалось как капитуляция, а он не собирался сдаваться так дёшево.

— Зато я формулу подъёма сдал на уроке физики, Бессонов, — сказал он, глядя прямо на Пашу, достаточно громко, чтобы услышал весь зал. — А ты там контрольную в прошлый раз сдавал с таким лицом, будто канат легче второго закона Ньютона.

На секунду в зале повисла тишина, короткая, будто все проверяли, можно ли уже смеяться. Потом кто-то фыркнул сзади, и смех расползся по шеренге, в этот раз направленный не на Илью. Паша стоял, не меняясь в лице, только скулы чуть напряглись, и улыбка, с которой он начинал, застыла, не дойдя до глаз.

— Ладно, умник, — сказал он, нарочито лениво, будто ему всё равно, хотя голос прозвучал чуть ниже обычного. — Посмотрим, как ты на лыжне формулы вспоминать будешь.

— Разговоры после урока, — оборвал Виктор Петрович, не поднимая глаз от журнала. — Бессонов, твоя очередь, покажи класс, раз такой смелый на язык.

Паша прошёл к канату, расправив плечи чуть сильнее, чем требовалось, и полез наверх так, будто демонстрация силы сама по себе была ответом Илье. Он забрался выше нормы легко, почти без усилия, спустился под одобрительные выкрики нескольких ребят, и, спрыгнув, на мгновение глянул в сторону Ильи. Взгляд был коротким, но тяжёлым, не из тех, что забываются к следующему уроку.

Илья отошёл к стене, где уже стояли те, кто успел сдать норматив, и прислонился спиной к холодному кафелю, стараясь не смотреть ни на Пашу, ни на остальных. Руки всё ещё дрожали мелкой дрожью, то ли от каната, то ли от того, что пришлось сказать это вслух при всех, зная, что обратно слова не заберёшь. Он думал, что ответил правильно, что иначе было бы хуже, но тяжесть во взгляде Паши, брошенном напоследок, говорила о другом: что это не конец, а только начало счёта, который кто-то теперь ведёт.

Урок тянулся дальше, Виктор Петрович вызывал следующих, канат раскачивался, кто-то срывался, кто-то проходил норматив под редкие хлопки. Илья смотрел на это, не вникая, думая о том, как странно устроена школа, где победить в словах — всё равно что проиграть по-настоящему, потому что проигравший такого не забывает.

* * *

Столовая встретила тем же, что и всегда: гулом тарелок, запахом вареной капусты и подгоревшей гречки, который держался в воздухе с утра до вечера, не выветриваясь даже после проветривания. Илья взял поднос, дождался своей очереди у раздачи, кивнул поварихе — та молча плюхнула ему котлету и половник пюре — и пошёл искать стол подальше от прохода, туда, где обычно никто не садился.

У окна стояло два свободных места. За стеклом белела территория школы, фонари уже горели, хотя время было только обеденное — зимой тут вообще темнело рано, солнце едва успевало подняться над соснами, как снова начинало клониться к закату. Илья сел спиной к залу, лицом к этому серому свету, и подумал, что так даже лучше: никто не видит его лица, а он не обязан никому улыбаться.

Он успел съесть половину котлеты, когда за спиной послышался знакомый голос, слишком громкий для обычного разговора, рассчитанный на то, чтобы его услышали.

— О, физик обедает, — сказал Бес. Он шёл с компанией, трое или четверо, Илья не обернулся, чтобы пересчитать точно. — Один. Как всегда.

Кто-то из его спутников хохотнул, не слишком искренне, скорее по привычке смеяться над тем, над чем смеётся Паша.

Илья не поднял головы. Опыт подсказывал, что лучшая реакция — никакой реакции, тогда шутка быстро теряет смысл и компания идёт дальше. Он сосредоточился на тарелке, зацепил вилкой пюре, и в этот момент рука — он даже не понял чья, настолько быстро это случилось — скользнула по краю стола, и пластиковый стакан с чаем упал на пол, чай разлился, стакан закатился под стол.

— Ой, — сказал Паша без тени сожаления в голосе. — Прости, физик. Я случайно.

Смех на этот раз был громче, не весь зал, конечно, но достаточно соседних столов, чтобы Илья почувствовал, как к щекам приливает тепло, то самое, предательское, которое выдаёт

смущение быстрее слов. Он всё же посмотрел вверх — на долю секунды, ровно настолько, чтобы увидеть лицо Паши, довольное и ждущее ответа, как в прошлый раз в зале.

Ответа не последовало. Илья наклонился, поднял стакан с пола, аккуратно поставил его рядом с подносом, будто ничего не произошло, будто это было частью обычного обеда. Пальцы слегка дрожали, но он сжал вилку крепче, чтобы это было не так заметно.

— Ладно тебе, Бес, — сказал кто-то из компании, без особого интереса, скорее для порядка. — Пошли, у нас обед стынет.

Паша ещё с секунду постоял, явно надеясь на что-то более достойное внимания — колкость, вспышку, хоть что-то, что можно будет потом пересказывать на перемене. Не дождавшись, он фыркнул, бросил «ну-ну» и пошёл дальше, компания потянулась следом, и гул разговоров снова сомкнулся над столовой, будто вода над камнем.

Илья доел котлету механически, не чувствуя вкуса, глядя в тарелку так старательно, что начало рябить в глазах. За спиной продолжалась обычная жизнь: звон вилок, кто-то уронил стакан, завизжал от смеха девчачий стол у двери. Ему хотелось встать и уйти прямо сейчас, не доедая, но это выглядело бы как бегство, а он уже один раз сегодня бегство себе позволил, спрыгнув с каната на середине.

Он поднял глаза на секунду, просто чтобы посмотреть в окно, отвлечься хоть немного, и наткнулся на взгляд. За соседним столом, чуть левее, сидела девочка с их класса — Настя, вспомнил он её имя, она сидела на физике через два ряда и один раз подняла руку, когда весь класс молчал, ответив что-то про квантовую запутанность, что вызвало у Ильи неожиданное уважение. Сейчас она сидела с подносом, почти нетронутым, и смотрела на него — не с усмешкой, не с жалостью напоказ, а как-то иначе, тише. Будто видела всё, что произошло со стаканом, и ей было жаль, что так вышло, но подойти или сказать что-то вслух она не собиралась, потому что любое слово сейчас сделало бы только хуже, привлекло бы ещё больше внимания.

Их взгляды встретились на долю секунды, не больше. Илья почувствовал, как у него снова загораются щёки, уже по другой причине, и быстро отвёл глаза обратно к тарелке, где пюре уже остывало неровной горкой.

Настя тоже отвернулась, занявшись своим подносом, и больше не смотрела в его сторону — по крайней мере, он не стал проверять.

Он доел в тишине, той внутренней тишине, что не имеет отношения к гулу столовой вокруг, собрал поднос, отнёс его к окошку раздачи и вышел в коридор, где было чуть прохладнее и гораздо тише. За спиной столовая продолжала жить своей обычной жизнью, будто ничего не случилось, будто салфетка так и лежала на полу, а не в его руке минуту назад.

* * *

Физик, Галина Сергеевна, вошла в кабинет с опозданием на пять минут — что для неё, судя по лицам одноклассников, было почти рекордом пунктуальности — и сразу прошла к доске, даже не поставив сумку на стол.

— Так, — сказала она, оглядывая класс поверх очков. — У нас новый проект, семестровый, оценка в четверть. Тема — тепловые потери в зданиях.

Илья машинально полез за тетрадью, уже понимая, что сейчас будет самое неприятное — деление на пары, та минута, в которую все переглядываются и быстро сговариваются взглядами, а он сидит и ждёт, кого ему оставят последним.

— Пары я назначу сама, — сказала Галина Сергеевна, и по классу прокатился общий вздох разочарования. — Не спорьте, опыт показывает, что сами вы собьётесь в компании по интересам и ничего не сделаете, кроме как попьёте чай в библиотеке. Так. Бессонов — с Ковалёвой. Сидоров — с...

Она называла фамилии размеренно, почти без пауз, и Илья слушал вполуха, уже прикидывая, с кем из оставшихся его сведёт судьба — скорее всего с кем-то таким же молчаливым

и незаметным, как он сам, и это было бы неплохо, вполне рабочий вариант, без лишних разговоров.

— Смирнов — с Беляевой.

Илья поднял голову. Фамилию он не сразу соотнёс с лицом, а потом вспомнил — девочка через два ряда. Настя. Та, что вчера в столовой смотрела на него, пока Паша со своей компанией развлекался.

Он мысленно приготовился к обычному сценарию: равнодушный кивок, может быть, лёгкая досада на лице — достался кто-то неудобный, с кем даже поговорить лишний раз не захочется, — и дальше каждый будет тянуть свою часть проекта в одиночку, просто чтобы не пересекаться больше необходимого.

После урока, когда класс потянулся к выходу, Настя подошла первой — он даже не успел решить, подходить ли самому.

— Привет, — сказала она и сразу, без предисловий, раскрыла тетрадь на чистой странице. — Я тут подумала, пока Галина Сергеевна фамилии называла. Если уже измерять теплопотери, то глупо выбирать какой-то абстрактный домик из учебника. У нас тут готовый объект под носом.

— В смысле? — спросил Илья, ещё не до конца веря, что разговор идёт так буднично.

— В смысле наш учебный корпус. — Она кивнула куда-то в сторону окна, за которым белела занесённая снегом крыша столовой. — У нас в коридоре возле лестницы вечно дует, а в двести третьей аудитории душно, хоть форточку настежь. Можно замерить разницу температур в нескольких точках, посчитать коэффициент теплопроводности стен, может даже найти, где утечка. Реальные цифры, не из методички.

Она говорила быстро, по делу, доставая ручку и тут же набрасывая в тетради что-то вроде плана — точки замеров, список приборов, которые нужно будет попросить у Галины Петровны. Илья смотрел на эти торопливые строчки и ловил себя на странном ощущении: никто в последние дни не разговаривал с ним так, будто он просто человек, с которым можно что-то обсудить, а не мишень или пустое место.

— Термометры у неё, наверное, допотопные, — сказал он, заглядывая в тетрадь. — Будем мерить ртутным градусником коридор и записывать в блокнотик, как в девятнадцатом веке.

— Зато дёшево и сердито, — хмыкнула Настя, не отрываясь от записи. — Формула Фурье не спрашивает, каким градусником ты пользовался.

— Формула Фурье вообще мало кого спрашивает, — заметил Илья. — Она просто работает, пока ты не напишешь в ней минус там, где нужен плюс, и не получишь отрицательную температуру в тёплой комнате.

— У тебя так было?

— У меня так было на контрольной в прошлой школе. Я на полном серьёзе доказал, что батарея излучает минус пять градусов. Учитель сказал, что я открыл новый вид физики.

Настя фыркнула, прикрыв рот рукой, и это получилось так неожиданно и искренне, что Илья сам чуть не улыбнулся — впервые за весь этот длинный, выматывающий день.

— Антифизика Смирнова, — сказала она, всё ещё улыбаясь. — Надо будет за неё Нобелевку выбивать.

— Посмертно, — сказал Илья. — Меня Галина Сергеевна за такое точно убьёт.

Она дописала последнюю строчку плана и захлопнула тетрадь, посмотрев на него уже без той настороженности, с которой обычно смотрели новенькому — скорее с обычным деловым интересом, будто вопрос, годится ли он в партнёры по проекту, был уже решён и закрыт.

— Короче, — сказала она, — надо приборы взять и после уроков посидеть, набросать методику. В библиотеке тихо, и розетки есть. Сегодня сможешь?

— Смогу, — ответил Илья, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало слишком явно, насколько он этому рад.

— Тогда после шестого урока, — сказала Настя, закидывая тетрадь в рюкзак. — Я там обычно за столом у окна сижу, если что.

Она ушла раньше, догоняя кого-то в коридоре, а Илья остался стоять у парты ещё секунду, просто чтобы прожить это ощущение подольше — будто после целого дня, где все смотрели сквозь него или вокруг него, кто-то наконец заговорил так, словно он здесь не случайно.

* * *

Интернет в школе включали в девять вечера и выключали в десять — об этом завуч тоже успела сказать у ворот, между пунктами про отбой и построение. Час, на который ученикам разрешали достать телефоны из общего ящика в коридоре. Илья забрал свой, сел на кровать и минуту просто смотрел на экран, прежде чем открыть переписку с отцом.

Он набрал: «Привет. Устроился. Первая неделя почти прошла».

Стёр, перечитал в уме, как это прозвучит, и написал заново: «Привет. Всё нормально, начал заниматься проектом по физике». Подумал ещё секунду, добавил: «С физкультурой похуже, но стараюсь».

Отправил. Экран показал две галочки, потом они посинели почти сразу — отец, видимо, тоже сидел с телефоном в руке. Три точки замигали, пропали, замигали снова. Илья ждал, глядя на эти точки так, будто от них действительно что-то зависело.

Ответ пришёл короче, чем он рассчитывал.

«Как успехи».

Без вопросительного знака. Без «ты как», без «скучаешь» — просто утверждение, упакованное в форму вопроса, на который можно было не отвечать вовсе. Илья перечитал два слова ещё раз, будто надеялся найти между ними что-то, чего не было написано.

Он представил, как отец сидит сейчас в своём кабинете, наверное, с чаем, наверное, уже в спортивном костюме после вечерней пробежки — отец бегал каждый день, в любую погоду, и всегда говорил, что дисциплина начинается с тела. Представил, как тот набрал эти два слова одной рукой, не отрываясь от чего-то другого, и отправил, посчитав разговор законченным.

Илья положил большие пальцы на экран и замер. Написать «нормально» — значит соврать наполовину. Написать правду про канат, про смех класса, про Пашу — значит дать отцу повод для разочарования, которое и так уже случилось один раз, ещё до интерната, ещё дома, когда отец узнал про олимпиаду по физике вместо секции единоборств. Писать о Насте и проекте было как-то не к месту — отец не спросил бы, кто это.

В итоге он набрал: «Нормально. Пока осваиваюсь».

Отправил и держал телефон ещё минуту, глядя, как галочки синеют. Ответа больше не было. Девять пятьдесят семь — через три минуты коридорный компьютер отключит общий вай-фай, и ящик для телефонов снова запрут до завтрашнего вечера.

Сосед по комнате, Денис, спортсмен-лыжник из параллели, уже спал — лёг сразу после отбоя, едва коснувшись подушки, и теперь дышал ровно и глубоко, уткнувшись носом в стену. Для него, кажется, в этом интернате не было ничего особенно трудного: подъём, зарядка, лыжня, отбой, и так по кругу, без зазоров, в которые могла бы просочиться мысль о доме.

Илья сдал телефон в ящик, вернулся в комнату, разделся в темноте, стараясь не шуметь, и забрался под одеяло. Батарея под подоконником тихо потрескивала, нагоняя сухое тепло, но ноги всё равно мёрзли — то ли от прохладного пола, то ли просто так казалось.

Он повернулся на бок, лицом к окну. За стеклом, по ту сторону школьного забора, стояла тайга — тёмная сплошная стена, без единого огонька, без признаков дороги или жилья. Днём она выглядела почти декоративно, присыпанная снегом, с редкими соснами, выступающими острыми тёмными иглами на белом фоне. Ночью превращалась в нечто другое — просто чернота, которая начиналась сразу за светом фонаря у ворот и не кончалась, насколько хватало взгляда.

Илья подумал о доме — не о квартире даже, а конкретно о своей комнате, о столе у окна, где раньше раскладывал учебники и тетради, зная, что рядом, за стеной, отец смотрит новости и время от времени стучит в дверь напомнить про отбой. Там тоже было не особенно тепло в смысле разговоров, но там хотя бы был знакомый скрип половиц и привычный запах подъезда.

«Веди себя как мужчина», — сказал отец на прощание, и это были последние слова, которые он произнёс перед тем, как сесть в машину. Не «пиши», не «звони, если что», а это — как напутствие, как инструкция. Отец искренне верил, что отправляет сына в место, где из мальчиков делают кого-то сильнее, увереннее, способнее дать сдачи, если понадобится. Наверное, в его голове это звучало как забота.

Илья слушал, как ветер гудит где-то за стенами корпуса — ровный, низкий звук, будто кто-то дул в горлышко огромной бутылки. Звук то нарастал, то спадал вместе с порывами, и в этом ритме чувствовалась странная монотонная закономерность, почти убаюкивающая, если не вслушиваться слишком внимательно.

Он подумал, что надо будет завтра не опоздать к Насте в библиотеку, что надо написать методику про теплопотери, что Петрович наверняка снова заставит их лезть на канат на следующей неделе — мысли шли уже вразнобой, теряя строгий порядок, расплываясь по краям, как делают перед сном.

Он протянул руку и щёлкнул выключателем настольной лампы. Темнота заполнила комнату мягко, без резкости, и только тусклая полоса света из коридора осталась под дверью — обычная, привычная полоса, как в любой другой школе, в любом другом доме. Батареи тихо гудели под подоконником, где-то в стене что-то едва слышно пощёлкивало, остывая, а за окном всё так же ровно дышал ветер в соснах, то усиливаясь, то затихая, пока Илья не перестал его различать вовсе и уснул.

* * *

Три недели в школе утрамбовались в плотный, почти уютный распорядок, и Илья уже не считал дни до чего-то — просто жил в них. Подъём в семь, завтрак в столовой с неизменной кашей и компотом цвета слабого чая, уроки, обед, снова уроки, а вечером — час интернета в общей комнате, где телефоны выдавали строго по расписанию и так же строго забирали. Ольга Петровна, завуч, следила за этим с усердием человека, уверенного, что именно в этом часе кроется весь смысл дисциплины. Отец писал редко и коротко, Илья отвечал так же, и оба как будто смирились, что большего между ними не предполагается.

Физика шла легче остального. С Настей они встречались в библиотеке по вторникам и четвергам, раскладывали на столе тетради с цифрами теплопотерь по формуле Фурье, и за полтора часа успевали не только посчитать, но и незаметно заболтаться о чём-то постороннем — то про учителя физкультуры, который называл брусья «снарядом», будто речь шла об артиллерии, то про странный компот, в котором, кажется, не было ни одной ягоды. С Настей было просто, и это удивляло Илью едва ли не больше, чем формулы.

Паша не оставил его в покое совсем, но что-то в их перепалках сместилось. Через пару дней после истории с канатом Бессонов попытался повторить номер с насмешкой в раздевалке — что-то про «ботаников, которые в лесу без мамки потеряются», — но Илья не полез в бутылку, просто заметил вскользь, что в лесу он хотя бы не заблудится, читая карту, в отличие от некоторых, у которых с географией не лучше, чем с физикой. Класс хмыкнул, Паша скривился, но дальше развивать не стал. С тех пор задирки стали короче и реже, будто Бессонов прикидывал каждый раз, выгодно ли ему ввязываться.

В пятницу утром, когда Илья после завтрака проходил мимо доски объявлений в холле учебного корпуса, он увидел свежий лист, приколотый поверх старого расписания факультативов. Крупными буквами сверху значилось: «Лыжный поход, обязательно для всех классов». Ниже шли время сбора, список снаряжения, маршрут по просеке до поворота на речку и обратно. Подпись — Виктор Петрович.

— О, началось, — сказала Настя, остановившись рядом и читая через его плечо. — Говорили же, что зимой у нас этого добра будет много.

— Я думал, пронесёт, — ответил Илья, не отрывая взгляда от бумаги.

— Не в этой школе. — Настя улыбнулась уголком рта и поправила рюкзак на плече. — Держись рядом со мной на лыжне, ладно? Я не быстро хожу, зато ровно. А то отстанешь, Петрович будет орать на весь лес.

— Договорились, — сказал Илья и вдруг поймал себя на том, что почти рад этому разговору, рад тому, что кто-то вообще предложил держаться рядом, а не просто прошёл мимо.

После уроков, когда короткий зимний свет уже начал гаснуть за окнами, Илья задержался в классе один, собирая тетради. Он подошёл к окну, прижался плечом к холодному откосу и посмотрел наружу. За школьным забором, за узкой полосой расчищенного двора, начиналась тайга — она тянулась отсюда и, насколько хватало взгляда, не заканчивалась нигде, сливаясь на горизонте с низким серым небом. Снег лежал ровно, нетронуто, если не считать старой лыжни, уходившей куда-то вглубь между соснами и пропадавшей из виду уже через сотню метров.

Он подумал, что где-то там, под этим снегом, наверняка есть овраги, завалы, может быть, старые просеки. Что завтра, в пятницу, весь класс встанет на лыжи и пойдёт этим маршрутом, который сейчас выглядел на объявлении всего лишь строчкой с указанием времени и места сбора.

Лес за оградой стоял неподвижно, терпеливо, будто ждал этого дня так же, как и школа — ждал пятницы, когда к нему наконец придут.

Глава 2. Камень под снегом

Снег за ночь намело почти по колено, и двор перед учебным корпусом, расчищенный ещё в шесть утра, к половине девятого уже снова затянуло тонкой белой плёнкой. Илья стоял у лыжной стойки, щурясь на низкое солнце, которое висело над тайгой едва ли на ладонь выше деревьев и, казалось, не собиралось подниматься дальше. Мороз был сухой, колкий, пробирался в рукава, если не затянуть манжеты, а дыхание класса, выстроившегося в неровную шеренгу, поднималось над головами единым облаком пара.

Лыжи им выдали накануне — с потёртыми креплениями, пахнущие мастикой и складским сукном. Илья затянул ремни на ботинках, посмотрел, как это делают другие, и повторил, стараясь не слишком заметно подглядывать.

— Равняйсь, — сказал Виктор Петрович, хотя никто и не думал ломать строй. Учитель физкультуры был невысокий, плотный, в оранжевой куртке, и говорил всегда так, будто обращался не к шестнадцатилетним подросткам, а к целому взводу. — Маршрут сегодня простой. Идём по просеке, прямо, никуда не сворачивая, до поворота на речку. Там разворот и обратно тем же следом. Два часа туда-обратно, без геройства.

Он обвёл строй взглядом, задержался на Илье на секунду дольше, чем на остальных, и Илья понял, что поводу него, видимо, есть сомнения — физику любит, на физкультуре держится так, будто лыжи видит впервые.

— Кто отстаёт — не геройствует, а кричит. Лес большой, я по нему бегать за каждым не собираюсь.

Настя подошла и встала рядом, поправляя шапку.

— Держись рядом со мной, — сказала она вполголоса, не глядя на него, а глядя вперёд, на просеку, которая уходила от школьного забора узкой белой лентой между соснами. — Если начнёшь задыхаться — не геройствуй, как он сказал.

— Спасибо, — ответил Илья, и это прозвучало серьёзнее, чем он хотел. — А то я последний раз стоял на лыжах классе во втором, кажется. На соревнованиях занял место последнего, кто дошёл.

— Значит, прогресс будет заметен сразу, — сказала Настя и впервые за утро улыбнулась.

Сзади раздался знакомый голос.

— Смирнов, готовь лыжи, — Паша Бессонов стоял через два человека, в яркой спортивной куртке, явно не казённой, и уже пристёгивал крепления привычным, отработанным движением. — Посмотрим, как ты на снегу канат вспомнишь. Или опять трение изучать будешь?

— Изучать уже поздно, — ответил Илья, не поворачивая головы. — Лучше сразу перейду к практике. Если упаду, буду считать, что провёл эксперимент по торможению тела о снег. Запишу данные для отчёта.

Класс засмеялся, негромко, но дружно, и смех этот был не над Ильёй, а вместе с ним — Паша слегка опешил, не найдя, что ответить сразу, и просто фыркнул, отвернувшись к своим лыжам. Настя рядом тихо хмыкнула и чуть толкнула Илью локтем, одобрительно.

— Разговорчики, — бросил Виктор Петрович, не оборачиваясь, уже отходя к голове колонны. — Построились цепочкой, я впереди. Идем за мной.

Колонна тронулась неровно, со скрипом и перестуком палок, выезжая со школьного двора на просеку. Сосны стояли по обе стороны тесно, ветки под тяжестью снега свешивались низко, почти до самой лыжни, и от этого казалось, что просека сужается с каждым метром, уходя не наружу, в открытое пространство, а внутрь леса, глубже и глубже. Илья пристроился сразу за Настей, стараясь попадать в её темп, и некоторое время слышал только шарканье лыж по снегу, собственное дыхание и далёкие окрики Виктора Петровича, который уже командовал кем-то из первых рядов.

Школа у них за спиной стала быстро уменьшаться — сначала крыша учебного корпуса, потом забор, потом флаг на шесте у входа, — и через несколько минут, когда просека сделала первый плавный поворот, здание скрылось за деревьями совсем, будто его и не было. Остался только лес, ровный снег под лыжами и цепочка спин впереди, вытянувшаяся далеко вперёд, туда, где просека терялась среди сосен.

* * *

Просека сузилась минут через пять. Сосны, сперва стоявшие по обочинам редко, теперь сдвинулись ближе друг к другу, и снег между ними начал идти не косо, как раньше, а прямо сверху, густо, мягкими хлопьями, которые садились на ресницы и не таяли. Илья моргал чаще обычного, стряхивая их, и от этого терял из виду цепочку лыжников впереди, отыскивая её заново каждые несколько шагов.

Палки стали тяжелее, чем в начале пути. Он помнил, как легко отталкивался на выезде со двора, ловя общий ритм вместе с остальными, а теперь каждое движение требовало отдельного усилия: сначала толкнуть правой рукой, потом подтянуть левую ногу, потом снова правой — и между этими действиями появлялись зазоры, которых раньше не было. Руки горели в предплечьях, низ спины тянуло, а дыхание сбивалось на вдохе так, что приходилось открывать рот, хотя Виктор Петрович утром специально предупреждал дышать носом, чтобы не застудить горло.

Впереди мелькала красная шапка Насти — яркое пятно на фоне белого и серо-зелёного, за которым Илья старался не терять. Какое-то время это получалось: шапка держалась в поле зрения, то приближаясь, то удаляясь на несколько метров, и Илья ориентировался по ней, не глядя больше ни на кого.

Он прибавил шагу, насколько мог, толкаясь палками сильнее, но ноги уже не слушались так, как требовалось. Голоса, которые раньше доносились спереди — обрывки фраз, смех, окрик Виктора Петровича кому-то поторопиться, — становились тише с каждой минутой, будто кто-то медленно убавлял звук. Илья прислушивался, пытаясь понять направление, но снегопад глушил и звук, и расстояние: казалось, голоса то совсем рядом, за соседними соснами, то где-то далеко впереди, куда он уже не поспевает.

Он остановился на секунду, чтобы отдышаться, упёр палки в снег по бокам и наклонился вперёд, опираясь руками о колени. Пар шёл изо рта толчками, оседая на шарфе инеем. Когда он снова поднял голову и посмотрел вперёд, лыжня впереди была пуста — ни красной шапки, ни чьей-либо спины, только белая полоса между соснами, уходящая вдаль и теряющаяся в снегопаде.

Первым желанием было крикнуть. Позвать Настю по имени, или просто гаркнуть что-нибудь вроде «эй, подождите» — но голос застрял где-то в горле, не дойдя до связок. Он представил, как это будет выглядеть: Смирнов отстал через десять минут после старта и кричит вслед классу, как потерявшийся первоклассник. Паша Бессонов наверняка услышит — если вообще кто-то услышит сквозь снег — и к понедельнику вся школа будет знать, что Илья не смог пройти даже просеку без того, чтобы его искали.

Он сглотнул и просто пошёл дальше, стараясь держать тот же темп, что и раньше, хотя тело давно просило остановки. Снег скрипел под лыжами — единственный звук, который теперь оставался отчётливым, ритмичный и монотонный, будто метроном, который никто не просил включать. Сосны по обе стороны просеки стояли неподвижно, тяжёлые от снега, и ветки некоторых свисали так низко, что задевали плечи, стряхивая на куртку холодные шапки снега, которые тут же таяли и расползались мокрыми пятнами.

Он убеждал себя, что это ненадолго. Просто отстал на минуту — класс впереди, а Виктор Петрович наверняка уже заметил пробел в цепочке и притормозит остальных, дожидаясь. Так всегда бывает на групповых выходах: кто-то вырывается вперёд, кто-то отстаёт, потом все снова

собираются вместе на развилке или у приметного места. Ничего особенного. Через минуту он увидит спины впереди, а ещё через пару — догонит хотя бы задних.

Но минута прошла, и ещё одна, а лыжня впереди оставалась всё такой же пустой, и тишина леса стала заметнее, чем он ожидал. Не абсолютная — снег шуршал, падая с веток, где-то вдалеке треснул сук под тяжестью сугроба, — но тишина, в которой не было ни единого человеческого звука: ни голоса, ни смеха, ни команды Виктора Петровича. Только его собственное дыхание, скрип лыж и редкий шорох снегопада.

Илья остановился снова, на этот раз дольше, и огляделся — не потому что ждал увидеть что-то конкретное, а просто чтобы убедиться, что просека всё ещё та же, что он не свернул случайно на боковую тропу. Лыжня была ровная, двойная колея от палок по бокам, уходящая вперёд и назад одинаково прямо. Всё было так, как должно быть. Он просто отстал. Сейчас догонит.

Он перехватил палки поудобнее и двинулся дальше, чуть быстрее прежнего, не позволяя себе думать о том, что тишина за спиной была такой же плотной, как впереди.

* * *

Он почти поравнялся с тем местом, где просека чуть изгибалась вправо, огибая старую сосну с расщеплённой верхушкой, когда что-то мелькнуло слева, за стволами. Не на лыжне — глубже, среди деревьев, там, где снег лежал нетронутым, без единого следа. Тёмное пятно, похожее на фигуру человека, качнулось между двумя елями и пропало, будто кто-то прошёл за занавесом из стволов, не задержавшись ни на секунду.

Илья остановился, воткнул палки в снег и всмотрелся в ту сторону. Деревья стояли плотно, ветки смыкались, и за первым рядом стволов начиналась серая муть — снегопад густел там, где солнца и так почти не было. Он ждал, что фигура покажется снова, выйдет на просвет, но между соснами было пусто, только снег всё так же падал косыми нитями, оседая на ветках.

«Показалось», — подумал он, но не очень уверенно, и эта неуверенность заставила его присмотреться ещё раз, медленнее, скользя взглядом от ствола к стволу. Померещиться могло — снег слепил, в глазах уже рябило от белого, да и устал он порядком. Но пятно было тёмным, не белым, и двигалось не так, как двигается ветка под тяжестью снега или тень от облака. Оно шло — или казалось, что шло, — куда-то в сторону, вглубь леса, под углом к просеке.

— Эй! — крикнул он, и голос вышел не таким громким, как хотелось, будто лес сразу проглотил звук, не дав ему разлететься.

Ответа не было. Только где-то справа, с высокой ветки, с шорохом осыпался снег, целой шапкой, и глухо ухнул о сугроб внизу. Илья вздрогнул от этого звука больше, чем ожидал, и тут же разозлился на себя за это — за то, что шуганулся от обычного снегопада, как от чего-то страшного.

— Эй, есть кто? — повторил он, уже тише, скорее для порядка, чем всерьёз рассчитывая на отклик.

Снова ничего. Лес стоял так же неподвижно, как и минуту назад, и тишина после его голоса казалась ещё гуще, будто сам звук крика только подчеркнул, насколько вокруг никого нет. Илья перевёл дыхание и сказал себе, что это вполне мог быть кто-то из младших классов — у них сегодня тоже лыжи, только на другом участке леса, и кто-то из них решил срезать через сугробы, не подумав, что так проще провалиться по пояс, чем выйти к просеке. Или учитель физкультуры у них, шёл проверить разметку маршрута. Мало ли кто может оказаться в лесу рядом со школой.

Объяснение складывалось неплохо, достаточно гладко, чтобы на минуту его успокоить, но нога уже сама нашаривала крепление лыжи, а рука расстёгивала скобу. Он помнил, что Виктор Петрович наверняка уже заметил пропажу и, возможно, сейчас разворачивает колонну обратно, и что каждая потраченная минута отдаляет его от группы ещё сильнее. Но любопытство оказалось сильнее этого соображения — не такое, что тянет бежать очертя голову, а тихое,

въедливое: кто там, зачем, и почему человек шёл не к просеке, а от неё, вглубь, где никакой тропы отродясь не было.

Он выбрался из креплений, воткнул обе лыжи в сугроб рядом с палками — крест-накрест, чтобы заметить место, — и шагнул с плотного наста лыжни в рыхлый снег между соснами.

Снег тут же принял его по колено, а на третьем шаге — почти по пояс, так что пришлось выдирать ногу, помогая себе руками, хвататься за ветки, стряхивая с них холодные охапки прямо за шиворот. Куртка сразу отяжелела от набившегося снега, перчатки промокли на запястьях, и с каждым шагом становилось понятнее, что затея не из умных. Если он провалится глубже, в какую-нибудь яму под сугробом, которых в лесу полно, выбираться придётся долго и в одиночку, а кричать здесь, судя по всему, бесполезно — звук вязнет в снегу, не долетая до просеки.

Но он всё равно шёл, по шагу, по два, забирая в ту сторону, где мелькнула фигура, — туда, где между стволами начинался небольшой пологий склон, усыпанный буграми под снегом, похожими то ли на старые пни, то ли на корни упавших деревьев. Дыхание сбилось быстрее, чем на лыжне, пар валил изо рта густыми клубами, а ладони, вцепившиеся в очередную ветку, уже почти не чувствовали холода — то ли привыкли, то ли просто онемели.

Фигуры больше не было видно. Но где-то впереди, за одним из этих белых бугров, Илье казалось, что снег лежит не так, как везде, — ровнее, будто кто-то недавно его потревожил и он ещё не успел снова запорошить след.

* * *

Бугор впереди больше не шевелился, и фигуры, за которой он шёл, в лесу не осталось — только снег, ровный, нетронутый, и сосны, расступившиеся неохотно, будто сами не понимали, зачем пускают его дальше. Илья остановился, прислушался. Ветра не было вовсе: там, у просеки, он гудел в верхушках, а здесь, в низине, стояла такая тишина, что собственное дыхание казалось слишком громким, неприлично громким, как будто он забыл выключить звук в комнате, где все спят.

Он ещё раз обвёл взглядом склон — ни следа, ни примятой ветки, ничего, что подсказало бы, куда делся тот, кого он заметил с лыжни. Может, человек прошёл дальше, за гребень, может, спустился к реке — здесь, кажется, и была та самая речка, до которой класс должен был дойти по просеке, только с другой стороны, с изнанки маршрута. Эта мысль немного успокоила: выходит, он не так уж заблудился, просто срезал там, где не положено.

Ноги гудели от снега, который приходилось выдирать на каждом шаге, лёгкие жгло холодным воздухом, и Илья решил, что имеет полное право на минуту остановиться, перевести дух, прежде чем поворачивать назад к лыжам. Чуть правее, у самого склона, торчал из сугроба невысокий бугор — пень, судя по форме, плоский сверху, широкий, как раз на уровне бедра, идеально, чтобы облокотиться, не присаживаясь в снег.

Он подошёл, стряхнул перчаткой верхний пласт — снег осыпался легко, крупными комьями, — и оперся ладонью на то, что осталось. Поверхность под рукавицей была твёрдой, неровной, холод чувствовался даже сквозь мокрую шерсть, но в этом не было ничего странного: дерево на морозе и должно быть таким. Илья позволил себе опереться всем весом, выдохнул, глядя, как пар расползается перед лицом и медленно тает.

И тут ладонь — та, что без перчатки, он стянул её минуту назад, чтобы поправить шапку, — скользнула чуть ниже, туда, где снег ещё держался плотной коркой, и под пальцами что-то хрустнуло, осыпалось крошевом, будто корка наста отходила с верхнего слоя пирога. Он не придал этому значения сначала, просто продолжил опираться, но под ладонью было не так, как должно быть под ладонью, упёртой в пень. Не шершавая кора, не занозистое дерево. Что-то гладкое местами и шероховатое в других, холодное настолько, что холод этот как будто не имел отношения к морозу вообще, а шёл откуда-то изнутри самого предмета.

Он отдёрнул руку, посмотрел.

Снег под ладонью осыпался окончательно, открыв серую поверхность — не кору, не древесину, а камень, тёмно-серый, в мелких трещинах, покрытый бугристой коркой лишайника, промёрзшего настолько, что он казался частью самого камня. Илья стоял, не убирая руки далеко, разглядывая открывшийся кусок, и первая мысль была до обидного простой: наверное, валун, лесной валун, каких в тайге полно, занесённый снегом так, что форма обманула.

Но он всё равно стянул рукав куртки на кулак и провёл им по верху бугра, счищая снег дальше, уже не из любопытства — из упрямства, из того же въедливого чувства, что привело его сюда с лыжни. Снег подавался легко, и под ним, слой за слоем, проступали грани. Не округлые бока валуна, какой скатывается с горы и лежит как придётся, — а прямые, грубо вытесанные, с острыми, хоть и обколотыми временем углами. Одна грань шла почти ровно вверх, другая срезана наискось, будто кто-то когда-то взял зубило или топор и придал камню форму, которую природа сама никогда бы не выбрала.

Илья присел на корточки, чтобы видеть лучше, и ладонь снова легла на поверхность, уже без перчатки, кожа к камню. Под пальцами, там, где лишайник откололся вместе со снегом, угадывалась выбоина — неглубокая, но слишком правильная для скола, слишком похожая на след резца. Ряд таких выбоин, одна за другой, будто буквы, стёртые настолько, что от них осталось не больше царапины.

Он не знал ещё, что это, но тело уже знало раньше головы: по спине пробежал холод, не имевший отношения к морозу, оседавшему на воротнике куртки. Такие камни ставят на могилах. Старых могилах, забытых, вроде тех, что он видел однажды на городском кладбище, куда отец водил его на похороны деда, — потемневшие, вросшие в землю плиты с именами, которые уже никто не мог прочитать.

Но здесь, в лесу, в двух шагах от школьной лыжни, здесь такому камню взяться было неоткуда. Ни кладбища рядом, ни даже упоминания в тех нескольких брошюрах про школу, что Илья пролистал в первые дни. Просека, сосны, снег. И вот это.

Он так и сидел на корточках, не убирая руки, глядя на серую, в трещинах, поверхность, и чувствовал, как холод от камня поднимается по пальцам, через запястье, будто камень был живым и дышал морозом изнутри. Лес вокруг стоял по-прежнему неподвижно, без единого звука, без шевеления веток, и эта тишина теперь казалась не просто отсутствием ветра, а чем-то, что специально держится рядом, ожидая, что он сделает дальше.

* * *

Рука отдёрнулась сама, раньше, чем Илья успел решить, что пора её убирать. Холод, который шёл от камня, не был похож на обычную стужу: тот холод кусал снаружи, щипал щёки и нос, а этот будто прошёл сквозь перчатку, как сквозь воду, и добрался до костей, не задержавшись на коже. На пальцах осталось странное, почти сладковатое онемение, похожее на то, что бывает, если долго держать в руке кусок сухого льда, — только лёд через минуту отпускает, а здесь не отпускало.

Илья отступил на шаг, потом ещё на один, разгибая пальцы и сжимая их снова, проверяя, слушаются ли. Слушались, но чувствовали хуже, чем левая, свободная рука. Он сунул правую в карман, обхватил там горсть сухой подкладки, точно это могло согреть быстрее.

И тогда, отступая, он увидел то, чего не заметил, пока сидел на корточках перед камнем, — рядом, чуть левее, в снегу была впадина. Не просто ямка от того, что снег осел неровно под собственным весом, а правильная, почти прямоугольная выемка, края которой лежали слишком ровно для природного провала. Снег там был другого цвета, сизоватый, будто подсвеченный изнутри слабым, нездешним светом, хотя света неоткуда было взяться — тучи затянули небо ещё с утра, и солнце не пробивалось ни одним лучом.

Илья смотрел на эту впадину дольше, чем следовало, чувствуя, как по спине снова пробегает что-то холодное, уже не от камня — изнутри. Он даже сделал шаг в её сторону, сам не зная зачем, то ли чтобы разглядеть получше, то ли чтобы проверить ногой, насколько там глубоко.

Свисток долетел сквозь деревья резко, коротко, и тут же повторился — два коротких сигнала, которые Виктор Петрович подавал на привале, когда пересчитывал группу. Звук будто разрезал ту плотную тишину, что держалась здесь всё это время, и лес вокруг ожил: качнулась ветка под шапкой снега где-то сбоку, снова стал слышен ветер, запутавшийся в вершинах сосен.

Илья замер на секунду, прислушиваясь — свисток прозвучал снова, уже требовательнее, — и только тогда до него дошло, сколько времени он потерял. Он обернулся на камень в последний раз: тот стоял в своей проталине, серый, бугристый, без всякой видимой угрозы, обычный валун, которому кто-то когда-то придал неправильную форму. Впадина рядом с ним казалась теперь обыкновенной тенью от сугроба.

Он пошёл обратно к лыжне, сначала медленно, потом быстрее, увязая в снегу по колено, и чем дальше уходил от камня, тем легче становилось дышать, будто там, у проталины, воздух был гуще, труднее входил в грудь. Лыжи стояли там, где он их воткнул, и он вытащил их резче, чем следовало бы, стряхнул снег с ботинок, присел и начал пристёгивать крепления — пальцы на правой руке слушались плохо, он провозился дольше обычного, несколько раз промахиваясь мимо защёлки.

Когда он выехал на просеку, группа уже стояла кучкой у поворота, лыжники опирались на палки, кто-то снимал варежки и дул на пальцы. Виктор Петрович шёл вдоль строя с блокнотом, тыча карандашом в список, и, увидев Илью, который выкатился сбоку, нахмурился.

— Смирнов. Ты где был?

Голос у Виктора Петровича был ровный, без особого беспокойства — он задавал этот вопрос привычно, как задавал бы любому, кто отстал на полминуты дольше остальных.

— Крепление разболталось, — сказал Илья, стараясь, чтобы голос прозвучал обычно, без той хрипотцы, что сама просилась наружу. — Пришлось отойти с лыжни, чтоб не мешать.

Он кивнул на правый ботинок, будто это что-то объясняло, и наклонился, сделал вид, что проверяет застёжку ещё раз. Виктор Петрович посмотрел на него секунду дольше, чем нужно, но ничего не сказал, только черкнул что-то в блокноте и крикнул уже всей группе, чтобы подтягивались — пора было идти дальше, к повороту на речку.

Настя, стоявшая чуть впереди в своей красной шапке, обернулась на него и спросила тихо, одними губами, пока колонна снова начинала вытягиваться:

— Ты как?

— Нормально, — ответил Илья и даже сумел улыбнуться краем рта.

Руку он так и держал в кармане, сжимая и разжимая пальцы, пытаясь прогнать из них то онемение, что не хотело уходить, и старался не смотреть назад, туда, где за соснами осталась проталина с серым камнем. Колонна тронулась, лыжи зашуршали по накатанному снегу, и Илья пошёл следом, вровень со всеми, глядя прямо перед собой.

* * *

За ужином в столовой пахло гречкой и мокрыми куртками, сохнувшими на батарее у входа, и Илья сидел напротив Насти, гонял вилкой по тарелке котлету, которую не хотелось есть. Настя рассказывала что-то про поворот на речку и про то, как Петров из параллельного класса упал на спуске и теперь все будут его дразнить до весны, а Илья кивал невпопад.

— Ты сегодня какой-то... — она не договорила, пожала плечами. — Тихий.

— Устал, — сказал он и правда почувствовал, как у него тяжелеют веки, хотя дело было не в усталости от лыж. — Непривычно ещё. Первый раз на такую дистанцию.

Настя посмотрела на него чуть дольше, чем требовал обычный разговор, но ничего не добавила, отломила кусок хлеба и стала макать его в подливу. Илья был благодарен ей за то, что она не стала допытываться — с ней так бывало, она умела оставить человека в покое ровно

настолько, насколько нужно, и это было одной из тех вещей, из-за которых он не жалел, что они оказались напарниками по проекту.

Несколько раз за ужином он чуть не сказал. Один раз — когда Настя спросила, не замёрз ли он там, на просеке, слово «камень» само подкатило к языку, но он представил, как это прозвучит вслух: нашёл под снегом старое надгробие в лесу, — и прикусил щёку изнутри. Второй раз — когда она пожаловалась, что у неё до сих пор мёрзнут пальцы на правой руке, и ему хотелось сказать, что у него тоже, только по-другому, но он просто кивнул и сказал, что у него такое всегда после мороза.

В комнате после отбоя Денис уже засыпал, повернувшись к стене, бубнил что-то себе под нос про завтрашнюю тренировку, а Илья лежал под одеялом и разглядывал свою правую руку, поднятую к тусклому свету ночника. Кожа была обыкновенного цвета, не белая, не синеватая, пальцы сгибались без боли. Он потёр ладонь о одеяло, подышал на неё, как дышат на озябшие руки, и тепло пришло сразу, снаружи — а где-то под кожей, глубже, в суставах, холод так и сидел, тонкий, ровный, будто туда загнали иглу и забыли вытащить.

Он прижал ладонь к щеке. Щека была тёплая. Ладонь казалась ему холодной, хотя термометра, чтобы проверить, у него не было, да и не стал бы он сейчас искать термометр, не хватало ещё, чтобы Денис проснулся и спросил, что он делает.

«Обморозил, наверное, слегка, — подумал Илья, убирая руку под одеяло. — Перчатка тонкая была, вот и всё». Объяснение звучало разумно, вполне в духе того, что сказал бы врач в медпункте, если бы Илья вообще пошёл к врачу, а он не собирался. Он закрыл глаза, стал считать дыхание, как иногда делал, когда не мог уснуть в первую неделю после приезда, и воспоминание о проталине у камня снова всплыло само, без спроса: серая шероховатая поверхность под варежкой, и то, как снег осыпался неровными комьями, обнажая грань, слишком прямую для пня.

Мысли выстраивались в ряд, одна за другой, аккуратные, спокойные, и каждая вроде бы закрывала вопрос, но ни одна не объясняла, почему рука до сих пор помнит тот холод так, будто он прикоснулся к камню минуту назад, а не несколько часов.

Он повернулся на бок, подтянул одеяло к подбородку. За окном шёл снег, редкий, беззвучный, и фонарь у входа в корпус качал тенью от ветки по потолку комнаты. Денис давно засопел ровно, по-настоящему уснул.

«Никому не скажу, — решил Илья, глядя на эту тень. — Пока. Сам схожу ещё раз, посмотрю при свете, без Петровича, без свистков. Если там правда камень — значит, камень, и бояться нечего.

Он закрыл глаза и постарался не думать больше ни о проталине, ни о впадине рядом с ней, только мысль о том, что надо будет вернуться туда одному, засела прочно, не желая уходить вместе со сном, и последним, что он почувствовал перед тем, как провалиться в темноту, была всё та же тонкая нить холода где-то глубоко под кожей правой ладони.

Глава 3. Яма

Суббота тянулась медленно, как тянутся все субботы в интернате, когда у кого-то есть уроки, а кто-то по субботам отдыхает. После обеда в столовой пахло компотом из сухофруктов. Голоса эхом отражались от кафельного пола, не стихая даже когда большая часть класса уже разошлась. Илья доел кашу без аппетита, думая не о том, что лежит на тарелке, а о том, что лежит под снегом в полукилометре от школьной ограды, и эта мысль не отпускала его с самого утра, вертелась внутри ровно, настойчиво, как тонкая холодная нить, которую он так и не смог прогреть за ночь.

Дежурила в этот день Валентина Сергеевна, воспитательница из младших классов, временно приставленная к старшим на выходные, — она сидела за столом у входа в корпус с журналом и термосом, и вид у неё был такой, будто журнал занимал её куда больше, чем ученики, выходящие и входящие мимо неё. Илья подошёл, стараясь держать голос ровным, без лишней просьбы в интонации.

— Валентина Сергеевна, можно мне выйти на просеку? Виктор Петрович сказал, кто отстаёт на лыжне, пусть потренируется отдельно, по разрешённому маршруту.

Она подняла глаза, посмотрела на него секунду дольше, чем нужно было бы для простого вопроса, но Илья уже понял, что взрослые здесь редко проверяют подробности, если фраза звучит достаточно правильно и в ней фигурирует фамилия кого-то из учителей.

— До просеки и обратно, — сказала она, не отрываясь от журнала. — Час, не больше.

Он расписался, стараясь, чтобы рука не дрогнула, хотя никакой особой причины для волнения вроде бы не было: он действительно собирался идти по разрешённому маршруту, действительно собирался тренироваться, просто не собирался возвращаться ровно оттуда, откуда следовало.

На выходе из столовой его перехватила Настя. Она шла с планшетом подмышкой, в свитере с вытянутыми рукавами, которые постоянно норовила натянуть на пальцы, и вид у неё был деловой, как у человека, у которого есть план на следующий час и этот план не предполагает лишних вопросов.

— Ты в комп-класс сегодня придешь? Нам ещё графики доделывать, у меня данные с датчика не сходятся второй день, я думала, вдвоём быстрее разберёмся.

Илья посмотрел не на неё, а куда-то в сторону окна, за которым белела просека, уходящая от школьной ограды в лес.

— Я попозже, — сказал он. — Мне надо на лыжню сходить, Петрович сказал потренироваться.

— Один? — Настя чуть сдвинула брови, не насторожённо ещё, скорее удивлённо. — Ты же обычно не особо рвёшься на лыжню.

— Вот именно поэтому и надо потренироваться, — ответил он, и это даже прозвучало похоже на шутку, хотя смеяться ему не хотелось совершенно. — Вернусь, зайду в комп-класс, если успею.

Она пожала плечами, явно не вполне удовлетворённая ответом, но и не настроенная спорить из-за такой мелочи, и пошла дальше по коридору, один раз обернувшись у поворота. Илья не стал смотреть ей вслед дольше, чем позволяло приличие, — в груди что-то неприятно сжалось от того, как легко он соврал, вернее, не соврал напрямую, а просто не сказал всей правды, но сейчас было не время разбираться с этим чувством.

В комнате он собирал рюкзак быстро, но так, чтобы со стороны это выглядело обыденно, на случай если Денис, лежавший на кровати с телефоном, вдруг поднимет голову и спросит, куда это он намылился. Запасные перчатки — вчерашние промокли насквозь и так и не высохли до конца, так что вторая пара была необходимостью, а не прикрытием. Фонарик,

маленький, на батарейках, из тех, что раздавали всем новеньким вместе с остальным инвентарём в начале года, — его он положил на дно рюкзака, под шарф. Термос не взял: подумал, что час — это недолго, а тащить лишний вес не хотелось. Денис так и не поднял головы, увлечённый чем-то в телефоне, и Илья вышел из комнаты, стараясь не хлопать дверью сильнее, чем обычно.

На улице было морозно и ясно, снег под лыжами скрипел сухо, и этот звук почему-то успокаивал больше, чем что-либо другое за последние сутки. Он шёл по разрешённому маршруту, той же просекой, по которой класс ходил накануне, держась всё время на виду у школы, пока это было возможно: мимо спортивной площадки, где двое старшеклассников лениво гоняли шайбу на расчищенном льду, мимо беседки, занесённой снегом по самые перила, мимо того места, где просека делала первый поворот и откуда ещё были видны окна корпуса. Он старался идти ровным, неторопливым шагом, как будто просто тренируется, как и сказал Валентине Сергеевне, не оглядываясь на школу слишком часто, чтобы не выглядеть виноватым, хотя сам прекрасно понимал, что виноват уже в том, что делает.

Голоса со спортивной площадки стихли где-то за спиной, потом стихло всё остальное — скрип снега под чужими лыжами, обрывок музыки из чьего-то окна. Просека сужалась, деревья по сторонам смыкались теснее, и школа за спиной превратилась сначала в силуэт сквозь ветки, потом вовсе пропала за поворотом. Он остановился на секунду, снял варежку, подышал на ладонь, хотя холода пока не чувствовал, просто по привычке, и пошёл дальше, туда, где накануне в сугробе под его рукой осыпался снег и открылась грань, слишком прямая, чтобы быть пнём.

* * *

Собственные следы отыскались минут через десять — два следа в снегу, вчера оставленные лыжами, сегодня уже наполовину заплывшие свежим снегом. Илья пошел по своим, проваливаясь по щиколотку, иногда теряя направление и снова находя его по едва заметному углублению между деревьями. Без лыж идти оказалось тяжелее, чем он рассчитывал, и он пожалел, что оставил их у поворота просеки, но тащить лыжи через бурелом вчера тоже не было смысла.

Он сверился с деревьями — три сосны почти в ряд, одна с обломанной верхушкой, — и понял, что почти пришёл. Сердце забилось чуть чаще, но он сказал себе, что это от ходьбы по снегу, не от чего-то другого.

Камень был на месте. Это первое, что он отметил, — облегчение, почти детское, оттого что вчерашнее не растворилось за ночь, не оказалось обманом усталых глаз. Серая обтёсанная поверхность всё так же торчала из сугроба неровным углом, и даже чуть больше открылась, будто ветер за ночь поработал за него, сдувая верхний слой снега. Илья подошёл ближе, опустился на корточки рядом, стянул варежку свободной рукой — и только тогда заметил то, что должен был заметить раньше.

Проталина у подножия камня была шире, чем вчера.

Вчера это была узкая полоска голой земли, едва заметная, с которой он сам, собственно, и начал — наступил, провалился на пару сантиметров, оперся рукой. Сейчас же проталина расползлась неровным овалом, будто снег вокруг камня таял изнутри, не сверху, а словно под ним было что-то тёплое, что подгрызало сугроб снизу. Края проталины оставались рыхлыми, сероватыми, с мелкими комками смёрзшегося снега, но сама впадина внутри казалась темнее, глубже, чем должна была быть в это время года при такой погоде — минус пятнадцать, не меньше, судя по тому, как щипало открытое лицо.

Илья присел на корточки у самого края и наклонился, чтобы разглядеть получше. Снег здесь был плотнее, чем на остальной просеке — не рыхлый, свежий, а как будто слежавшийся за много дней, спрессованный. Он протянул руку, коснулся пальцами края впадины — просто чтобы проверить, насколько она глубокая, — и ладонь тут же прошила тем же холодом, что и вчера. Не обычным морозом, от которого щипало кожу и хотелось спрятать руку обратно в

варежку, а каким-то другим — ровным, тянущим, как будто под снегом лежал не лёд, а металл, вымороженный до предела и оттого липнущий к коже. Он отдёрнул пальцы, посмотрел на них — ничего, обычная кожа, чуть покрасневшая от холода, — но ощущение не прошло, осталось сидеть в ладони, будто он только что держался за дверную ручку в сильный мороз.

«Надо было варежку не снимать», — подумал он, хотя прекрасно понимал, что варежка тут ни при чём: вчера рука мёрзла точно так же, хотя он тогда был в них обеих.

Он снова придвинулся ближе, теперь уже опираясь коленом в снег, чтобы заглянуть в саму впадину. Внутри было темно — не черно, а скорее серо, как бывает в густой тени, — и он не мог разобрать, насколько там глубоко: может, по колено, может, больше. Снизу, из темноты, тянуло запахом, который он сперва принял за запах мёрзлой земли — тяжёлый, сырой, почти подвальный, совсем не похожий на то, чем обычно пахнет зимний лес, пахнущий хвоей и морозом. Он подумал, что, возможно, это старый погреб или ледник, оставшийся от какой-нибудь довоенной постройки, — такое объяснение показалось ему достаточно разумным, чтобы на секунду успокоиться.

Он упёрся обеими руками в снег по краям проталины, стараясь рассмотреть дно, и в этот момент снег под его правым коленом вдруг осел.

Не медленно, не постепенно — сразу, без предупреждения, будто под ним всё это время была не твёрдая земля, а тонкая корка, прикрывавшая пустоту. Илья успел только вскрикнуть что-то короткое, бессмысленное, и выставить руки вперёд, но это не помогло: снег ухнул вниз вместе с ним, увлекая за собой целые пласты рыхлого сугроба, и он полетел, ударяясь плечом о что-то твёрдое сбоку, потом коленом, потом — уже совсем жёстко — затылком обо что-то, что не было ни снегом, ни землёй.

Последнее, что он успел осознать перед тем, как в глазах потемнело окончательно, — это звук, с которым сверху, вслед за ним, посыпался снег, будто яма захлопывалась за спиной, отрезая путь назад.

* * *

Темнота вернулась к нему по частям, как звук в разбитом приёмнике. Сначала — боль в затылке, тупая, пульсирующая. Потом холод, не снаружи, а изнутри, будто кто-то залил его грудь ледяной водой. Потом запах: мёрзлая земля, прелое дерево, что-то ещё, сладковатое и неприятное, похожее на запах старого подвала у бабушки на даче, куда никто не спускался годами.

Илья открыл глаза и ничего не увидел. Или почти ничего — серая муть, светлое пятно где-то наверху, узкое, как щель почтового ящика. Он понял, что это тот самый провал в снегу, через который он сюда упал, только теперь смотрел на него снизу, с глубины в человеческий рост, может больше. Попытался пошевелиться — заныло плечо, колено отозвалось острой болью, но ничего не сломано, кажется. Руки и ноги слушались. Он лежал на чём-то твёрдом и неровном, не на земле — на дереве, старом, рассохшемся, под слоем снега и трухи.

Он хотел было сесть, опереться на локоть, но замер.

Рядом кто-то дышал.

Не он сам — свой вдох и выдох Илья слышал отдельно, рваный, частый. А это дыхание было другим: медленным, ровным, с лёгким присвистом на вдохе, будто через стиснутые зубы. Оно шло откуда-то слева, в метре, может ближе, и не прекращалось, пока Илья лежал неподвижно, вслушиваясь так, что заложило уши от напряжения.

«Зверь», — подумал он первым делом, и мысль эта была почти спасительной, потому что зверь — это понятно, это можно объяснить: лиса забралась в старый погреб переждать холод, или собака бездомная. Но дыхание было слишком ровным для зверя, слишком... человеческим. С паузами, с тем особым звуком, который бывает, когда человек старается дышать тихо, но не может сдержаться до конца.

Илья медленно повернул голову.

Сначала он различил только контур — тёмное пятно на фоне чуть более светлой стены ямы, бесформенное, как куча тряпья. Глаза привыкали к темноте слишком медленно, и он несколько секунд просто смотрел, не понимая, что видит, пока пятно не шевельнулось.

Не резко. Просто сместилось, будто человек, сидевший, подтянув колени к груди, чуть изменил позу. И тогда из серой мглы начало проступать лицо — сначала скула, острая, обтянутая кожей, потом глаз, тёмный, блестящий в скудном свете сверху, потом весь облик: мужчина, не старше тридцати на вид, сидел, прислонившись спиной к земляной стене, в какой-то длинной рубахе без цвета, в штанах, заправленных в истоптанные сапоги, и всё это было таким ветхим, таким серым и выцветшим, словно одежда пролежала под снегом много лет. На груди рубахи темнело что-то — не то пятно, не то номер, нашитый грубыми стежками, но Илья не мог разглядеть издали.

— Ты всё-таки пришёл, — сказал мужчина.

Голос был тихий, хрипловатый, с какой-то странной, старомодной мягкостью в окончаниях слов, и говорил он так буднично, так спокойно, будто они встречались здесь уже не раз и прервали разговор на полуслове только вчера.

Илья дёрнулся назад, спиной врезавшись в стену ямы, и земля с мёрзлой трухой посыпалась ему за шиворот.

— Кто ты? — выговорил он, и собственный голос показался чужим, слишком тонким для такого вопроса.

— Фёдор, — ответил мужчина так же просто, будто называл имя, которое Илья и так должен был знать. — Я тебя давно жду.

— Я тебя первый раз вижу, — сказал Илья, хотя где-то в затылке, в месте, которым он ударился, уже ворочалась мысль о вчерашней фигуре на лыжне, мелькнувшей и пропавшей среди деревьев.

Фёдор не ответил на это. Он чуть подался вперёд, и Илья увидел, что движение даётся ему с трудом, медленно, будто суставы не гнулись как следует, и внутри у Ильи всё сжалось от этого зрелища — не страшного само по себе, а неправильного, как смотреть на фотографию, где у человека на пару сантиметров смещены черты лица.

— Холодно тут, — проговорил Фёдор, и в голосе его впервые прозвучало что-то похожее на жалобу, детскую, беззащитную. — Ты бы помог мне выбраться, а? Тут недалеко, я помню дорогу, только сил нет.

— Выбраться откуда? — спросил Илья и тут же пожалел, что спросил, потому что не хотел знать ответ.

— Отсюда, — Фёдор обвёл рукой вокруг, медленно, будто показывал на что-то очевидное. — Из ямы этой. Я тут со вчерашнего... или сколько уже. Сбился со счёту.

Он снова подвинулся, и теперь Илья видел его ближе: впалые щёки, тёмные круги под глазами, губы, потрескавшиеся так, будто он действительно замерзал заживо, и во всём этом было что-то до того достоверное, что холод, сидевший в ладони Ильи с самого утра, вдруг напомнил о себе с новой силой, пополз выше, к запястью.

— Я не могу тебя отсюда вытащить, — выдавил Илья, вжимаясь в стену. — Я сам не знаю, как выбраться.

— Да ты не бойся, — сказал Фёдор, и в его голосе мелькнуло что-то похожее на улыбку, хотя лицо оставалось серьёзным. — Я тебя не обижу. Мне бы только руку, подняться.

Он протянул ладонь — медленно, почти лениво, — и Илья, сам не понимая почему, не отшатнулся сразу, а замер, глядя, как эта рука тянется к нему через узкое пространство ямы. На мгновение, на одну секунду, пальцы Фёдора коснулись тыльной стороны его ладони.

И тогда стало по-настоящему страшно.

Потому что прикосновение не было похоже ни на что живое — не на холодную руку человека, вышедшего из тёплого дома на мороз, не на кожу, остывшую от долгого сидения на

снегу. Это было нечто другое: твёрдое и в то же время рыхлое, как будто под пальцами была не плоть, а что-то вымороженное насквозь, отвердевшее и ломкое, и холод от этого прикосновения прошёл не по коже, а сразу внутрь, в кость, туда, где у человека обычно бьётся пульс.

Илья отдёрнул руку так резко, что ударился локтем о стену ямы, и, не разбирая дороги, начал шарить ладонями по мёрзлой земле, ища выступ, зацепку, хоть что-нибудь, за что можно было бы ухватиться и подтянуться наверх, к той узкой светлой щели, которая казалась теперь единственным, что имело смысл во всём мире.

— Погоди, — сказал Фёдор у него за спиной, и голос прозвучал растерянно, почти обиженно, будто Илья уходил посреди важного разговора. — Ты куда? Мне же холодно.

Илья не оглянулся. Пальцы нащупали край вывороченного корня, вмёрзшего в стену, и он вцепился в него обеими руками, упираясь ботинками в неровности земли, чувствуя, как каждая мышца подчиняется одной только мысли — вверх, наружу, к свету, — и как рука, та самая, которой коснулся Фёдор, уже не слушается как следует, будто вместо пальцев там теперь кусок льда.

* * *

Край ямы оказался выше, чем Илья думал, и, выбравшись наконец наружу, он несколько секунд лежал на снегу лицом вверх, глядя на серое небо через голые верхушки сосен, не в силах подняться. Потом сел и огляделся.

Лес стоял точно таким же, каким он помнил его десять минут назад, — тихим, неподвижным, без единого лишнего звука, кроме того, что издавал сам Илья, тяжело дыша и отряхивая снег с куртки. Камень лежал там же, где лежал, — серый, обтёсанный с одного края, чуть выступающий из-под наста, — будто ничего и не случилось, будто яма рядом с ним была просто ямой, занесённой снегом, провалом от старого корня или подмытого грунта. Ни следа, ни отпечатка, который указывал бы, что внутри, в темноте и тесноте, минуту назад с ним кто-то разговаривал.

Он заставил себя подойти к краю и посмотреть вниз. Там было темно, темнее, чем должно быть в неглубокой яме днём, и Илья не разглядел ничего, кроме смутных очертаний земляной стены, уходящей куда-то в сторону, будто яма была не просто ямой, а началом хода. Он не стал всматриваться дольше. Отступил, подобрал свой рюкзак, и пошёл прочь, стараясь не оборачиваться.

На середине пути, уже на просеке, где снег был плотнее и легче скользили лыжи, он почувствовал, что рука снова затекает — сильнее, чем вчера, когда это было похоже просто на озноб от мороза. Теперь онемение поднималось выше запястья, тупое, вязкое, будто кожу обмотали чем-то холодным и забыли снять. Он попробовал согнуть пальцы в перчатке — они слушались, но с задержкой, как чужие, и это испугало его сильнее, чем сама темнота ямы. Илья стянул перчатку зубами, осмотрел ладонь — пальцы были бледные, чуть синеватые у ногтей, но на вид обычные, без обморожения, без следов. Он снова натянул перчатку и сунул руку глубоко в карман куртки, прижимая её к боку, будто так можно было согреть что-то, что грелось не снаружи.

Дежурил у входа в корпус уже Денис, который вообще редко смотрел на тех, кто проходил мимо, если это не нарушало расписания. Илья не стал ничего придумывать заранее — просто сказал, не останавливаясь, что ходил докатывать технику на дальнем участке, что Виктор Петрович просил отстающих позаниматься лишний час, и что он устал и хочет в душ. Денис кивнул, не отрываясь от телефона, и это было единственное, за что Илья был ему благодарен весь остаток дня.

В комнате было тепло. Он сел на кровать, не снимая куртки, и долго сидел так, глядя в одну точку на противоположной стене, где обои чуть отходили от угла. Потом всё-таки разделся, повесил куртку на спинку стула и включил ночник — тусклый, жёлтый свет, который в комнате всегда казался уютнее, чем верхний.

Он сел к столу и положил ладонь под свет, разглядывая её так внимательно, будто надеялся увидеть что-то, чего не видел раньше. Кожа была обычная — чуть обветренная, с заусенцем у большого пальца, с царапиной, которую он посадил ещё на той неделе, открывая консервную банку в столовой. Ничего необычного, ничего, что указывало бы на прикосновение, которое он помнил так ясно, что до сих пор чувствовал его где-то под кожей, не на поверхности, а глубже, в самой кости, как будто холод тогда не остался снаружи, а прошёл насквозь и осел там навсегда.

Он потёр ладонь другой рукой, сильно, до красноты, но тепла это не прибавило, только разогнало кровь ближе к коже, а под ней, в глубине, по-прежнему сидело что-то плотное и неподатливое, как будто там, в кости, застряла тонкая льдинка, которая не хотела таять.

Илья долго сидел так, не зажигая верхний свет, слушая, как за стеной кто-то прошёл по коридору, хлопнула дверь, заиграла музыка в соседнем блоке и тут же стихла. Обычные звуки обычного вечера в обычной школе, и от этого контраста то, что случилось в лесу, казалось ещё более далёким и ещё более невозможным, будто он смотрел на это через стекло, через которое не разобрать, что происходит по-настоящему, а что — отражение.

Он решил, что не станет никому рассказывать. Если рассказать, придётся как-то объяснить, что он делал один на просеке в свободный час, зачем ходил к тому же месту, и чем закончится этот разговор, Илья представлял слишком ясно: его отправят к школьному психологу, или того хуже — позвонят отцу, и тогда разговор выйдет совсем короткий, как и все их разговоры в последнее время, — короткий и полный того молчаливого разочарования, которое Илья слышал даже в паузах между словами.

Он погасил ночник и лёг, не раздеваясь до конца, укрывшись одеялом поверх свитера, потому что ему всё ещё было зябко, хотя батарея под окном работала исправно и в комнате было тепло, как обычно. Закрыв глаза, он снова увидел впалые щёки, потрескавшиеся губы и протянутую руку, медленную, почти ленивую, и услышал голос — спокойный, будничный, будто они были знакомы давным-давно и обращались друг к другу несколько раз. "Ты бы помог мне выбраться, а. Мне холодно."

Он так и уснул с этой фразой в голове, а ладонь, лежавшая поверх одеяла, так и не согрелась до утра.

Глава 4. Следы на подоконнике

Илья проснулся за двадцать минут до будильника — резко, будто кто-то окликнул его по имени, хотя в комнате стояла тишина, только Денис сопел на соседней кровати, завернувшись в одеяло по самую макушку. Он лежал несколько секунд, пытаясь понять, что его разбудило, и не находил ответа, пока не сообразил: холодно. Не так, как бывает, когда одеяло сползло с плеча, а как-то основательно, насквозь, будто он спал не в комнате, а на улице, подложив под себя только матрас.

Он сел, спустил ноги на пол — доски обожгли ступни, но это был обычный утренний холод пола, не тот, который сидел под рёбрами. Батарея стояла под подоконником, старая, чугунная, и Илья, не вставая до конца, протянул руку и тронул её. Ребро обожгло пальцы почти мгновенно: батарея была раскалена, как и положено зимой. Он подержал ладонь на горячем металле подольше, чувствуя, как кожа начинает неметь от жара, а не от холода, и всё равно где-то глубоко, не на поверхности, продолжала зябнуть.

Он перевёл взгляд на собственную правую руку и сжал её в кулак, потом разжал. Прошло уже три дня с того вечера в лесу, с ямы и дыхания, которое было не его. Ушиб на плече почти сошёл, оставив только блёклое жёлтое пятно, которое не болело, если не нажимать специально. Колено не беспокоило вовсе. А рука — та, которой он тогда коснулся его ладони, — так и не согрелась по-настоящему. Снаружи кожа выглядела обычной, разве что чуть бледнее, чем на левой, но стоило сравнить, приложив одну к другой, и разница становилась заметной: левая была тёплой, живой, с обычным слабым румянцем, правая — будто минуту назад вынутая из сугроба, хотя он держал её под одеялом всю ночь.

Он подышал на пальцы, растёр их, прижал к батарее так же крепко, как раньше, досчитал до тридцати, глядя, как краснеет кожа на тыльной стороне ладони от жара. Когда отнял руку, тепло держалось ещё с полминуты, а потом будто стекало куда-то внутрь, оставляя снаружи привычную прохладу. Так бывало и вчера, и позавчера. Он уже перестал удивляться вслух, но каждый раз, проверяя, надеялся, что в этот раз получится иначе.

За спиной скрипнула кровать — Денис завозился под одеялом, высунул голову, взъерошенный, с красным следом от подушки через всю щёку.

— Чего не спишь, — буркнул он, не столько спрашивая, сколько констатируя факт.

— Будильник скоро, — сказал Илья, не поворачиваясь.

Денис что-то неразборчиво проворчал и сел, обхватив себя руками.

— У нас что, отопление вырубали ночью? Я мёрз, как собака.

Илья поднял голову и только теперь, при утреннем свете, разглядел окно как следует. Стекло было затянуто инеем — не узкой кромкой по краям, как бывает в морозное утро, а сплошь, от рамы до рамы, плотным белым слоем, сквозь который едва угадывался силуэт сосны за двором. Солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы бить прямо в это окно, и под его лучами иней должен был бы хотя бы подтаять, пойти мутными потёками понизу, как это случалось каждое январское утро в их комнате. Сейчас он лежал нетронутым, будто нарисованным, и солнечный свет проходил сквозь него рассеянным, тусклым пятном, не оставляя на нём никакого следа.

— Может, окно неплотно, — сказал Денис, зевая, и слез с кровати, шлёпая босыми ногами по полу. Он подошёл к подоконнику, подёргал раму за ручку, потом склонился и проверил нижний шпингалет — толкнул его туда-сюда, убедился, что язычок входит в паз туго, как положено. — Нет, заперто нормально. Странно тогда.

Илья тоже подошёл ближе, хотя идти не хотелось: от окна тянуло холодом, который ощущался кожей ещё за пару шагов, будто рядом с ним стояла открытая форточка, хотя никакой форточки в их комнате не было вовсе, только двойная рама целиком. Он протянул руку и

коснулся инея указательным пальцем — осторожно, как трогают что-то, во что не до конца веришь.

Иней не таял. Он должен был тут же схватиться влагой под теплом пальца, собраться в маленькую мутную капельку, как это бывает всегда, но вместо этого под ногтем остались сухие белые крупинки, которые осыпались вниз мелкой порошей, точно он провёл пальцем по свежему снегу где-нибудь на улице в двадцатиградусный мороз. Илья потёр эти крупинки между пальцами — они не превращались в воду, просто размазывались сухой пылью и исчезали, будто их никогда и не было.

— Ты глянь, — сказал он, не рассчитывая, что Денис обратит внимание, но не смог промолчать.

— Что?

— Иней. Он не тает.

Денис подошёл, зевая во весь рот, и ткнул пальцем в стекло рядом с местом, которое трогал Илья. На поверхности осталось пятно — такое же сухое, без капли воды, — но Денис, похоже, не нашёл в этом ничего особенного. Он потёр глаза, посмотрел на часы над дверью, потом снова на окно.

— А, ну да, холодно же, вот и не тает сразу, — сказал он равнодушно, подышал на ладони и спрятал руки под мышки. — У нас так каждую зиму. Завхоз экономит, батареи зимой через раз работают, а когда работают — всё равно не доглядывает. Надо дежурному сказать, может, стеклопакеты новые когда-нибудь поставят.

Он натянул свитер прямо поверх майки, в которой спал, и пошёл к двери, на ходу бормоча что-то про завтрак и про то, что если сегодня снова дадут кашу на воде, он напишет заявление директору. Дверь хлопнула, и в комнате снова стало тихо, только батарея потрескивала под подоконником, раскалённая, явно исправная, и в метре от неё по-прежнему лежал иней, в который не могло пробиться никакое тепло этого утра.

Илья ещё постоял у окна, глядя на мутное белое пятно, сквозь которое едва проступали контуры сосен за школьным двором, и попробовал представить, что сказал бы, если бы Денис спросил его напрямую, что он обо всём этом думает. Наверное, ничего бы не сказал. Он потёр правую руку о бедро, пытаясь согнать с неё то же самое ощущение, что держалось в комнате, — не холод снаружи, а что-то засевшее глубже, что никакая батарея не могла растопить, — и только потом пошёл одеваться, чувствуя, как это ощущение идёт следом за ним, не отставая ни на шаг.

* * *

Столовая встретила гулом голосов и звяканьем подносов, и первым, кого Илья увидел, протискиваясь к раздаче, был Паша — тот стоял посреди прохода, не обращая внимания на недовольные взгляды тех, кто хотел пройти, и размахивал руками, рассказывая что-то компании за соседним столом.

— Говорю вам, я сам видел! Иду мимо хозблока, смотрю — следы. Босые почти, ну, тонкие какие-то, не как от ботинок. И знаете что самое дикое? Они просто обрываются. Посреди поля. Как будто человек шёл-шёл — и всё, испарился.

— Может, он прыгнул куда, — сказал кто-то с набитым ртом.

— Куда он прыгнул, там же снегу по колено, ровное поле, ни ямы, ни дерева! — Паша явно наслаждался вниманием, но в его голосе Илья уловил что-то, не похожее на обычную браваду: он не улыбался, рассказывая, а хмурился, будто сам себе не до конца верил.

Настя, стоявшая в очереди впереди, повернулась к Илье.

— Пойдём глянем, пока не затоптали, — сказала она тихо, без лишних вопросов, как будто это было само собой разумеющимся делом.

Они вышли через чёрный ход, не доев, накинув куртки прямо поверх школьной формы. Хозблок стоял на отшибе, за прачечной, и снег вокруг него лежал нетронутым — чистое поле,

ослепительно белое под утренним солнцем. Следы действительно были: цепочка вмятин, вытянутых и узких, слишком маленьких для взрослой обуви и слишком отчётливых для того, чтобы принять их за игру теней. Илья присел рядом с одним отпечатком и провёл пальцем по краю. Снег внутри был не примят, как бывает от подошвы, а будто продавлен чем-то плоским и тонким, почти босой ступнёй, если бы кто-то вообще решился выйти босиком в такой мороз.

— И правда не ботинки, — сказала Настя, присев рядом на корточки. Она смотрела не на след, а на то, как он тянется дальше, через всё поле, к середине — и там, безо всякой причины, просто кончается.

Илья прошёл вдоль цепочки до самого конца. Снег там был ровный, нетронутый, без единой вмятины, будто кто-то аккуратно стёр последние шаги или их никогда и не было. Он оглянулся на начало следа — там, у стены хозблока, ветер уже наметал позёмку, и крайние отпечатки подёрнулись белой рябью, размывались на глазах. А здесь, в середине поля, где след обрывался, снег лежал чистым, нетронутым ни единым порывом, как будто ветер решил, что эту часть трогать не стоит.

— Странно метёт, — сказал Илья, не найдя слов лучше.

— Наверное, старшие балуются, — отозвалась Настя, но без прежней уверенности в голосе. — Знаешь, как бывает: кто-то решил разыграть, ходит задом наперёд или по доске какой-нибудь, чтобы след обрывался. — Она посмотрела на нетронутый снег в середине поля ещё раз и слегка повела плечами, хотя куртка была тёплая. — Только зачем. И как они так быстро с доской управились.

Она не договорила, да и не нужно было: Илья видел по её лицу, что собственное объяснение её не убедило, просто ей хотелось, чтобы оно было правдой.

Когда они вернулись в столовую, разговор за соседним столом переключился с Пашиных следов на что-то другое, и Илья не сразу понял, о чём речь, пока не прислушался внимательнее.

— А мне снова лес приснился, — говорила девочка с параллельного потока, ковыряя вилкой кашу. — Костёр такой, прямо как настоящий, искры летят. И кто-то зовёт, типа «иди сюда, подойди ближе».

— Да ладно, и мне тоже! — перебил её сосед. — Я думал, это у меня одного.

— И мне! — вклинился третий голос с конца стола. — Третью ночь уже. Голос только непонятно чей, вроде мужской, но тихий такой.

За столом началось оживление, кто-то смеялся, называл это совпадением, кто-то настаивал, что видел всё в деталях — снег вокруг костра, тёмные стволы сосен, фигуру на краю света от огня. Илья слушал, не поднимая головы от тарелки, и чувствовал, как внутри что-то сжимается медленно, по миллиметру, как когда идёшь по тонкому льду и ещё не провалился, но уже знаешь, что лёд не выдержит.

Настя села рядом с ним, подвинула поднос, но есть не стала. Она долго молчала, глядя в свою кашу, а потом сказала тихо, так, чтобы услышал только он:

— Мне тоже снился этот костёр. Две ночи подряд. — Она посмотрела на него быстро, будто проверяя реакцию. — Я никому не рассказывала. Думала, просто сон. А тут все вокруг говорят то же самое, и мне теперь не по себе.

Илья кивнул, не зная, что ответить. Он думал о том, что мог бы сейчас сказать: что ему ничего такого не снилось, ни костра, ни леса, ни голоса, зовущего подойти ближе. Ему снилось другое — яма, занесённая снегом, и дыхание рядом, не своё, и холод, который не отступал даже во сне. Но слова застряли где-то на пути от мысли к голосу, и он просто взял ложку и начал есть кашу, которая давно остыла.

Настя ещё раз взглянула на него, явно ожидая какого-то отклика, но, не дождавшись, вернулась к своей тарелке. Разговор за соседним столом продолжался, кто-то уже предлагал вести дневник снов, кто-то смеялся, называя всё это глупостями, а Илья молчал, чувствуя, как

молчание укладывается внутри тяжёлым, неудобным грузом, который он понесёт с собой весь день, не зная, куда его деть.

* * *

Вечером Илья сел за стол делать домашнюю работу по физике — задачу про теплообмен, которая показалась ему сегодня особенно неуместной. Он подвинул стул, задел локтем край подоконника, привычно скользнул по нему взглядом, проверяя, не упал ли учебник. Там стояла кружка с карандашами, да иней на стекле, уже знакомый, тот, что не таял с утра.

Утром, собираясь на завтрак, Илья наклонился за носком, закатившимся под кровать, и, выпрямляясь, оперся рукой о подоконник. Под пальцами была не гладкая поверхность крашеного дерева, а что-то с зацепом, шероховатое. Он посмотрел вниз.

На дереве, у самого края, были процарапаны линии — четыре резко вдавленные, пересечённые наискось другими такими же, так что получался не рисунок, а что-то вроде зарубок, которые делают, когда считают дни. Царапины были глубокими, дерево вздыбилось по краям бороздок мелкими светлыми стружками, будто их проделали не ножом, а чем-то более грубым и тупым — гвоздём, ногтем, обломком кости. Краска вокруг осыпалась.

Илья наклонился, чтобы рассмотреть ближе. Знак не складывался ни во что знакомое — не буква, не цифра, скорее похоже на то, что рисуют от скуки, только вырезано с силой, с нажимом, который оставляет след и в самом дереве, не только в краске.

Он провёл пальцем по бороздкам. Дерево было холодным — не просто прохладным, как бывает утром у окна, а ледяным, таким, что холод сразу прошёл сквозь кожу и засел где-то в суставе. Он отдёрнул руку и тут же, не удержавшись, тронул раму рядом, в десяти сантиметрах от царапин. Там дерево было обычным, чуть тёплым даже, потому что батарея под подоконником гудела исправно, как и вчера, как и все эти дни. Граница была резкой, будто кто-то провёл её линейкой: здесь тепло, а здесь, где царапины, — холод, который не объяснялся ни сквозняком, ни щелью.

Он помнил, что вечером, когда садился за уроки, ничего этого не было. Он мог бы поклясться. Он даже вспомнил свою руку на этом самом месте — пустое дерево, ни следа.

В дверь постучали коротко и вошли сразу, не дожидаясь ответа, — так заходила только Настя.

— Ты идёшь доделывать график? У нас же сегодня срок, — начала она с порога, но осеклась, увидев, как он наклонился над подоконником. — Что там?

Она подошла, наклонилась рядом с ним, и Илья заметил, как её взгляд остановился на царапинах и не двинулся дальше — задержался дольше, чем требуется, чтобы просто рассмотреть зарубки на дереве. Настя протянула руку, но не тронула, замерла в паре сантиметров.

— Кто это сделал? — спросила она, не отрывая взгляда.

— Не знаю, — сказал Илья и пожал плечами, стараясь, чтобы это вышло буднично. — Денис, наверное. Или уборщица, когда мыла подоконник, задела чем-то.

Он сам слышал, как неубедительно это звучит. Денис спал в полуметре, он бы заметил, если бы сосед среди ночи что-то царапал на подоконнике, да и зачем ему это. А уборщица приходила по вторникам, не сегодня, и уж точно не стала бы портить казённое дерево. Да и дело было не в этом — дело было в том, что вечером здесь ничего не было, а утром появилось, и между этими двумя точками лежала ночь, в которую никто из них двоих не вставал и не подходил к окну.

Настя не ответила на его версию, не стала спорить, просто молча вытащила из кармана телефон и навела камеру на подоконник. Щёлкнул затвор, экран мигнул вспышкой, хотя в комнате было достаточно светло и вспышка была не нужна — видимо, автоматическая настройка сработала из-за того, что место оказалось темнее, чем всё вокруг.

— На всякий случай, — сказала она, убирая телефон обратно в карман, таким тоном, будто речь шла о фотографии расписания на стенде, а не о странных зарубках на дереве.

Именно этот тон и испугал Илью больше, чем сам знак. В нём не было ни удивления, ни той неуверенной попытки отшутиться, с которой Настя вчера говорила про доску и заметённые следы. Она фотографировала спокойно, деловито, как будто для себя уже решила, что эту штуку стоит задокументировать, потому что она пригодится — не для смеха, не для разговора с друзьями, а для чего-то более серьёзного, о чём она пока вслух не говорила.

— Зачем тебе фотография? — спросил он, и голос прозвучал тише, чем он рассчитывал.

— Не знаю, — ответила Настя, и в этом «не знаю» было куда больше тревоги, чем в его собственном вранье про Дениса и уборщицу. Она посмотрела на него прямо. — Просто... мне кажется, лучше, чтобы это было где-то, кроме как в подоконнике. Мало ли.

Она не договорила, что значит это «мало ли», а Илья не стал спрашивать. Он отвёл взгляд и снова провёл пальцем по краю бороздки, уже зная, что холод никуда не делся. Дерево оставалось ледяным, как будто память о морозе впиталась в самые волокна и теперь держалась там, не считаясь ни с батареей, ни с январским солнцем за стеклом.

— Пойдём на завтрак, — сказал он, вставая, и старался, чтобы это прозвучало как обычная фраза, сказанная обычным утром. — Опоздаем.

Настя кивнула, но у двери обернулась ещё раз, посмотрела на подоконник так, словно хотела убедиться, что знак никуда не делся за те три секунды, что она на него не смотрела. Он был на месте. Илья запер дверь на ключ — хотя никогда раньше этого не делал, уходя на завтрак, — и вместе с Настей пошёл по коридору, не произнося больше ни слова.

* * *

Он лежал поверх одеяла, не раздеваясь полностью, потому что полчаса назад твёрдо решил не ложиться — только проверить почту на телефоне и выключить свет. Знак на подоконнике маячил в голове отдельной картинкой, которую он проворачивал снова и снова, будто от этого линии могли сложиться в объяснение. Четыре черты, наискось перечёркнутые пятой. Настин голос: «Мне кажется, лучше, чтобы это было где-то, кроме как в подоконнике». И следом — рассказ про костёр, который снился чужим людям одинаково, без сговора, без причины.

Денис давно засопел на соседней кровати, повернувшись к стене. Батарея под окном иногда гудела, остывая и снова разогреваясь, обычным домашним звуком, и этот звук единственный держал комнату на месте — пока усталость не вытянула из-под Ильи последнюю опору, и он не заметил, как веки перестали подниматься.

Он не мог бы сказать, сколько прошло. Может, секунда, может, час — граница стёрлась так аккуратно, что он даже не ощутил провала, только понял в какой-то момент, что лежит с открытыми глазами и комната вокруг не та, в которой он засыпал. Углы те же: шкаф слева, стол у окна, кровать Дениса напротив. Но свет шёл неправильно — не от фонаря со двора, холодного и синеватого, а откуда-то снизу, рыжий и дрожащий, будто за окном не снег лежал, а что-то горело вдалеке, медленно и ровно, как уголь.

У изножья кровати стоял Фёдор.

Та же рубаха, та же серая ткань, вытертая на локтях до блеска, та же неподвижность, с которой он стоял тогда, в яме, — не переминаясь, не поводя плечами, просто присутствуя, как будто стоял так давно и мог стоять ещё долго. Он смотрел на Илью не удивлённо и не настороженно, а спокойно, с тем выражением, с каким смотрят на человека, разговор с которым прервали на полуслове и теперь просто возвращаются к нему, без предисловий.

— Ты не вернулся, — сказал Фёдор, и в голосе не было ни укора, ни радости — только констатация, будничная, как если бы он говорил о погоде. — А я всё ждал. Ты ведь поможешь?

Илья хотел спросить, как он сюда попал, но вопрос показался неважным и глупым, растворился, не успев оформиться в звук. Вместо этого он спросил то, что спрашивал уже дважды, в яме и после:

— Чем я могу помочь?

— Холодно, — ответил Фёдор, и это слово прозвучало так же, как в первый раз, без нажима, без жалобы, просто факт, который он сообщал снова и снова, потому что факт не менялся. — Ты знаешь, где искать.

— Я не знаю, — сказал Илья, и услышал в собственном голосе что-то вроде досады, смешанной со страхом. — Где искать что?

Фёдор не ответил прямо. Он чуть склонил голову набок, будто прислушивался к звуку, которого Илья не слышал, и повторил, тем же ровным тоном, не меняя ни одного слова:

— Ты знаешь, где искать. Холодно мне, браток.

Это обращение царапнуло — не угрозой, а странной, неуместной теплотой, как будто Фёдор правда считал его кем-то близким, кем-то, кому можно доверить свою зябкость без объяснений, потому что объяснения не нужны между своими. И именно от этой доверительности стало не по себе больше, чем от любого прямого слова.

— Я не понимаю, чего ты хочешь, — сказал Илья, и голос сорвался на полутоне, тише, чем он собирался. — Скажи яснее. Пожалуйста.

Фёдор шевельнулся — впервые за весь разговор, — сделал полшага вперёд, и в этот момент Илья ощутил на правом запястье ту самую тяжесть, с которой проснулся несколько дней назад: не холод воздуха, а будто кто-то сжал кость ледяными пальцами изнутри, через кожу, минуя её вовсе. Боль была не резкой, а всепроникающей, тупой, расползающейся вверх по предплечью, и вместе с ней пришло ощущение, что рыжий свет за окном качнулся, будто пламя, на которое подул ветер.

Илья рванулся — не телом, а чем-то внутри, каким-то усилием, которое не имело названия, — и в следующую секунду сидел в постели, судорожно хватая ртом воздух, с бешено колотящимся сердцем, обеими ногами упираясь в холодный пол сквозь шерстяной носок.

Комната была обычной. Тёмной, тёплой от батареи, с синеватым светом фонаря за окном, тем самым, привычным, не рыжим. Денис сопел так же, как и прежде, не шевельнувшись. Дверь была заперта на ключ — он сам запирал её вечером, помнил, как повернул язычок, — и ручка стояла в том же положении.

Он сидел несколько минут, вслушиваясь в собственное дыхание, пока оно не выровнялось, и только потом позволил себе взглянуть в сторону окна. Подоконник в темноте был едва различим, серый прямоугольник на фоне чуть более светлого стекла, и на нём — Илье так показалось, хотя утверждать он не взялся бы — темнела еще одна полоса, рядом со вчерашним знаком, будто кто-то провёл по дереву ещё одну черту, свежую, не успевшую побелеть от инея.

Он не встал проверить. Сказал себе, что утром рассмотрит внимательнее, при свете, когда рука не будет дрожать и глаза не будут слипаться от недосмотренного сна. Лёг обратно, повернулся спиной к окну и натянул одеяло до подбородка, хотя в комнате было тепло, и пролежал так до утра, не сомкнув глаз, прислушиваясь к тиканью батареи, как к единственному доказательству того, что ночь всё ещё идёт по обычным правилам.

Глава 5. Урок истории

Утром он проснулся раньше будильника, ещё до того, как Денис зашевелился на соседней кровати, и первым делом посмотрел на окно.

Свет был серый, обычный зимний свет из-за плотных туч, и подоконник в нём выглядел буднично: кусок крашеного дерева, потёртого на углах, с радиатором под ним. Илья сел, не вставая до конца, и всмотрелся. Знак был на месте. А рядом с ним, чуть правее, тянулась еще одна линия, ровно такой же длины, свежая настолько, что дерево вокруг неё казалось светлее, не успевшим потемнеть.

Он протянул руку и тронул обе линии пальцем. Старая была просто царапиной, сухой, шершавой. Новая холодила кожу, хотя батарея под подоконником грела исправно. Илья убрал палец и подышал на него, чтобы согреть.

Он встал с кровати, натянул носки и, пока одевался, повторял про себя фразу, которая не отпускала его с ночи: «ты знаешь, где искать». Фёдор не сказал, в каком месте искать, он вообще, кажется, не говорил о месте — только повторял это раз за разом, будто ответ был очевиден и не нуждался в уточнении.

Илье казалось, что он и правда знает. Только искать нужно было не в лесу, не в той яме, куда он провалился. Искать нужно было в том, что случилось на этом месте до него, до школы, до всех них — в той части истории, которая, судя по всему, ещё не закончилась, раз она до сих пор царапает подоконники и ходит под окнами в арестантской одежде.

В коридоре у учительской, как обычно, висела доска объявлений, пестревшая расписанием факультативов, списками дежурств и объявлениями о репетициях хора. Илья останавливался у неё редко, разве что сверить расписание на неделю, но в этот раз задержался дольше обычного, пробегая глазами колонки с факультативами. Между «Робототехникой» и «Вокальным ансамблем» он нашёл строчку, которую видел и раньше, но никогда не читал внимательно: «Краеведение. Вторник, четверг, 16:00, каб. 14, преп. история».

Он не ходил на этот факультатив. Никто из их класса не ходил, кроме пары девочек, которым, кажется все равно было куда ходить. Но сейчас строчка смотрела на него так, будто была написана специально для этого утра, и Илья мысленно повторил время — четверг, шестнадцать — и понял, что сегодня как раз четверг.

За завтраком он сидел напротив Насти, которая методично разламывала булку на мелкие куски, не особо их доедая, и о чём-то думала с тем выражением лица, которое у неё появлялось в последние дни чаще обычного — сосредоточенным и немного отстранённым одновременно. Илья пару раз пытался заговорить о пустяках, но разговор не клеился, и в конце концов он просто сказал, без предисловий:

— Я записался на краеведение.

Настя подняла взгляд от булки.

— На что?

— Факультатив. Сегодня в четыре.

— С каких пор тебя интересует краеведение? — спросила она, и в голосе прозвучало не столько удивление, сколько осторожность, как будто она уже заранее догадывалась, что дело не в самой теме.

Илья помолчал, подбирая слова так, чтобы не сказать слишком много и не соврать при этом.

— Хочу спросить про это место. Про школу. Что здесь было раньше.

Настя отложила кусок булки, который так и не донесла до рта, и посмотрела на него внимательнее.

— Из-за следов? Из-за снов?

— Из-за всего, — сказал он просто. — Мне кажется, что это не отдельные вещи. Что это одно и то же, только с разных концов.

— Я тоже пойду, — сказала она наконец.

До кабинета истории они дошли вместе, в четверть пятого, когда коридор уже опустел после последнего урока, и дойдя, обнаружили, что дверь приоткрыта, а внутри горит свет — тёплый, жёлтый, от старой настольной лампы на учительском столе, а не холодный люминесцентный, как в остальных классах. В кабинете было тихо: ни голосов, ни шарканья стульев, только негромкое шуршание бумаги где-то у доски.

Они вошли и сразу направились не к задним партам, как обычно садился Илья на любом уроке, стараясь оставаться незамеченным, а к столу поближе к учительскому. Настя села первой, аккуратно поставив рюкзак у ног, Илья опустился рядом, и оба замолчали, глядя, как в глубине кабинета, у шкафа с картами, движется сутулая фигура учителя истории, перебирающего папки в поисках чего-то нужного для сегодняшнего занятия.

До звонка оставалось несколько минут. Илья чувствовал, как в груди собирается что-то похожее на готовность, смешанную с опасением, что вопрос, который он собирался задать, прозвучит слишком прямо и слишком странно для обычного школьного разговора. Настя рядом сидела неподвижно, сложив руки на столе, и один раз покосилась на него, будто хотела что-то сказать, но передумала и просто кивнула — коротко, как кивают перед тем, как сделать шаг, который уже не отменить.

* * *

Виктор Семёнович нашёл наконец нужную папку, положил её на стол, но открывать не стал — только придавил ладонью, будто проверяя, на месте ли, и сел, глядя куда-то поверх голов.

Он рассказывал об освоении Сибири так, как будто сам когда-то шёл этим путём: про остроги, про тракты, про то, как империя смотрела на тайгу как на кладовую, из которой можно брать лес, пушнину, руду, и как на эту же тайгу смотрела как на тюрьму без стен — зачем строить решётки, если вокруг на сотни вёрст снег и волки. Каторжников гнали сюда партиями, кого за политику, кого за разбой, и дальше, по его словам, судьба их зависела уже не от приговора, а от того, какое место им досталось.

Илья слушал внимательно, но часть его внимания всё время соскальзывала в сторону, туда, где за окном уже темнело, и он ждал момента, когда можно будет вставить вопрос так, чтобы он прозвучал естественно, а не как то, чем на самом деле был.

Момент нашёлся, когда Виктор Семёнович сделал паузу, чтобы отпить воды из стакана, стоявшего на краю стола.

— А что было на этом месте? — спросил Илья, стараясь, чтобы голос вышел просто любопытствующим. — До школы. До того, как здесь всё построили.

Он добавил, чуть помедлив:

— Я не просто так спрашиваю.

Эти слова он не планировал произносить вслух, они вышли сами, и он почувствовал, как Настя рядом едва заметно повернула голову в его сторону.

Виктор Семёнович поставил стакан обратно на стол, но не сразу убрал руку, будто стакан нужно было придержать. Он посмотрел на Илью так, как смотрят на человека, задавшего вопрос, который давно хотели услышать от кого-нибудь, и не могли дождаться.

— Вот это правильный вопрос, — сказал он. — Правильный и редкий. За все годы, что я здесь веду историю, его задавали мне едва ли трижды.

Он отодвинул в сторону конспект, лежавший перед ним, сдвинул его на край стола одним движением, как отодвигают лишнее, когда собираются говорить о чём-то настоящем, и Илья увидел, как у него изменилось лицо — не то чтобы помолодело, но стало внимательнее, собран-

нее, будто учитель до этой секунды сам немного дремал посреди собственного урока, а теперь проснулся.

— Здесь был лагерь, — сказал Виктор Семёнович. — Каторжный лагерь, в начале двадцатого века, лет за пятнадцать до революции, если быть точным. Небольшой, не из тех, про которые пишут в учебниках, их таких по всей Сибири были десятки. Валили лес. Этого добра здесь всегда было больше, чем нужно, а государству всегда было мало.

Он говорил медленно, как будто проверял каждое слово прежде чем выпустить его наружу, и в этой медленности было не затруднение, а скорее осторожность человека, который давно носит в себе историю и впервые рассказывает её вслух не из программы, а потому что его спросили.

— Валили лес, сплавляли по реке, — продолжал он. — Та речка, что идёт за хозблоком, сейчас она мелкая, летом её ребёнок перейдёт, не замочив колен, а тогда, весной, в половодье, по ней гнали брёвна вниз, к большой воде. Работа тяжёлая, норма — не выполнишь, получишь меньше пайка, а паёк и так был такой, что не разжиреешь. Начальник лагеря держал дисциплину жёстко, бывали случаи и хуже обычных — но это, думаю, не для нашего урока.

Он посмотрел на Настю, потом снова на Илью, словно проверял, не слишком ли тяжёлые вещи говорит для вечернего факультатива, но оба молчали, и он, кажется, принял это молчание за разрешение продолжать.

— А дальше случилась зима, — сказал он. — Одна из тех, какие бывают здесь раз в несколько десятилетий, с морозами такими, что птицы замерзали на лету, так рассказывали старики ещё когда я только приехал сюда работать. Снега намело столько, что дороги, которые связывали лагерь с большой землёй, занесло совсем, до самой весны. Обоз с продовольствием не прошёл. Связь прервалась. Связи с лагерем не было почти три месяца. Представьте: два месяца они жили месяцами без подвоза еды. Лес они, конечно, жгли. Но морозы в тот год стояли под сорок, и по архивным записям, которые я поднимал, — он сделал паузу, — под пятьдесят временами. И самое главное, не было провианта.

За соседней партой скрипнул стул — это подошёл Саша, тот самый, что сидел на последнем ряду, ближе к двери, и сейчас, услышав разговор, пересел поближе, не спрашивая разрешения. За ним потянулись ещё двое, и к середине рассказа кабинет истории перестал быть кабинетом с расписанием факультатива, превратившись в несколько сдвинутых друг к другу стульев вокруг одного стола, за которым люди слушали не урок, а историю, которую обычно не рассказывают детям.

— Они все погибли там? — спросил Саша, и в его голосе было не праздное любопытство, а то настоящее внимание, какое бывает у человека, впервые столкнувшегося с фактом, что прошлое — это не просто даты в учебнике.

— Все, — сказал Виктор Семёнович. — И заключённые, и охрана, и, по некоторым сведениям, сам начальник лагеря. Помощь не успела. Весной, когда дороги расчистились и прислали проверку, нашли только то, что от людей осталось после такой зимы. Кто-то замёрз в бараках, пытаясь согреться у погасших печей, кого-то нашли на самой дороге — видимо, пытались выйти сами, не дождавшись обоза, и не дошли. Писали потом в отчёте что-то обтекаемое, про перебои со снабжением, про суровые климатические условия. Дело замяли быстро — не нужно было империи лишнее внимание к тому, как она обращается с теми, кого сослала в такие места.

Илья слушал это, и каждое слово ложилось куда-то вглубь, туда, где уже сидело онемение в правой руке, не проходившее ни днём, ни ночью, где лежал знак на подоконнике и сон про лес с костром, который снился не только ему одному. Он не записывал ничего в тетрадь, хотя обычно на уроках записывал почти машинально, лишь бы занять руки — сейчас руки лежали на столе неподвижно, и он слушал так, как слушают не рассказ учителя, а подтверждение диагноза, который давно подозревал, но боялся произнести вслух.

— А где именно был лагерь? — спросила вдруг одна из девочек, сидевших за соседним столом, и в её голосе не было страха, только школьный интерес к подробностям. — Прямо здесь, где сейчас школа?

Виктор Семёнович чуть улыбнулся, но улыбка эта не была весёлой.

— Примерно здесь, да. Может, чуть глубже в лес, у речки, там, где сейчас заброшенные тропы. Когда школу строили в советское время, выбрали это место отчасти потому, что земля была уже расчищена, бараки давно сгнили, но фундаменты кое-где остались. Строители жаловались, как рассказывали старожилы, что копать там было тяжело — то камень под лопатой, то что-то ещё, чего не ждали.

Он замолчал на секунду, и в этой паузе Илья вдруг отчётливо почувствовал, что весь этот разговор — не случайность, не совпадение факультатива и его собственного вопроса, а что-то вроде ответа, который место давно готовило ему, только ждало, пока он придёт и спросит правильно.

* * *

Виктор Семёнович снял очки, протёр их рукавом свитера и снова надел, будто это помогало ему подбирать слова.

Илья чувствовал, как у него холодеет под ложечкой, и это было странное ощущение — не от того, что рассказ пугал сам по себе, а от того, что каждое слово будто ложилось точно поверх того, что он уже знал сам, без всяких архивов. Он не записывал. Ручка лежала рядом с раскрытой тетрадью, и страница так и осталась пустой с той минуты, как учитель начал говорить про занесённую дорогу.

— Откуда вы всё это знаете, Виктор Семёнович? — спросила девочка с соседнего стола. — Это же не в учебнике написано.

— Не в учебнике, — согласился он. — Я этим интересовался задолго до того, как сюда устроился, лет восемнадцать назад, когда ещё работал в архиве области. Там хранятся отчёты, которые никто толком не разбирал, — рапорты инспекций, переписка чиновников. И местные предания, конечно. В соседней деревне ещё живы потомки тех, кто служил на этой земле охраной или возил снабжение. Они рассказывают истории, которые в архив не попадут никогда, потому что их никто не записывал.

Илья дождался паузы и спросил, стараясь, чтобы голос прозвучал ровно, как будто вопрос был чисто учебным:

— А имена погибших остались? Ну, захоронения какие-то, кладбище?

Виктор Семёнович посмотрел на него чуть дольше, чем на предыдущих спрашивающих, и в этом взгляде Илье почудилось что-то похожее на узнавание, будто учитель отметил для себя не просто любопытство ученика, а нечто большее, что он пока не готов был называть вслух.

— Частично, — ответил он после паузы. — Кого-то похоронили весной те, кто пришёл с проверкой, — в братской могиле, недалеко от самого лагеря. Ставили простые кресты, деревянные, без имён — списки заключённых к тому времени частично утрачены, кто где лежит, установить не удалось. Многих так и не нашли под снегом вовсе. Весной, когда он сошёл, обнаружили не всех, кого искали по спискам. Тела могли унести талые воды в реку, могли просто занести ещё глубже за зиму — места там болотистые, снег ложится неровно, намётами в два-три метра. Так что часть лагеря, можно сказать, так и осталась лежать там, где застала их та зима. Без имени, без отметки.

Настя, сидевшая рядом, толкнула его локтем, негромко, но достаточно, чтобы вывести из того состояния, в которое он провалился, слушая про снег, про намёты в два-три метра, про тела, которых не нашли. Он повернул к ней голову и увидел, что она смотрит на него внимательно, снизу вверх, потому что сама чуть ссутулилась над своей тетрадью.

— Ты белый, — сказала она одними губами, почти не разжимая их, чтобы не привлечь внимание остальных. — Записывай хоть что-то, на тебя Виктор Семёнович уже дважды посмотрел.

Илья машинально взял ручку, но рука, та самая, в которой со дня ямы поселилось онемение, слушалась плохо, и буквы на странице вышли кривыми, будто писал не он, а кто-то за него, второпях. Он отложил ручку обратно, не дописав и половины фразы.

Прозвенел звонок — не резкий, как на уроках первой смены, а приглушённый, доносящийся словно из соседнего крыла, и класс вокруг зашевелился разом: кто-то защёлкал замками рюкзаков, кто-то уже встал, спрашивая у соседа про домашнее задание, которого на факультативе формально не задавали. Саша поблагодарил Виктора Семёновича за рассказ так, будто поблагодарил за хороший фильм, и вышел одним из первых, явно унося с собой скорее впечатление, чем тревогу.

Илья не спешил. Он сложил тетрадь, застегнул молнию на пенале дольше, чем это было нужно, краем глаза следя, как кабинет пустеет — сначала задние ряды, потом те, кто сидел ближе к доске, пока у учительского стола не остались только Виктор Семёнович, собиравший свои бумаги в потёртую папку, да сам Илья с Настей, которая тоже медлила, будто почувствовала, что он собирается задержаться, и не хотела уходить без него.

* * *

Папка с потёртой кожей легла на стол, Виктор Семёнович завязал тесёмки неторопливо, как завязывают что-то, что откладывают не до завтра, а надолго. Настя у двери переступила с ноги на ногу, и он, не оборачиваясь, бросил им:

— Идите, домашнего задания не будет.

Она посмотрела на Илью, тот коротко кивнул, и дверь за ней закрылась мягко, без щелчка, будто кто-то придержал её с той стороны.

Илья остался стоять у парты, не решаясь сесть обратно. Форточка над подоконником была приоткрыта на палец, и оттуда всё так же тянуло холодом, тонкой струйкой, которая почему-то не рассеивалась по кабинету, а стояла на месте, у окна, как будто ей было лень смешиваться с тёплым воздухом от батареи.

— У меня не домашнее задание, — сказал он. — Я хотел спросить кое-что другое.

Виктор Семёнович не удивился и не стал переспрашивать, что именно — просто остановил руку на застёжке папки и поднял взгляд, спокойный, внимательный, из тех взглядов, которыми смотрят не на ученика, а на человека, который наконец решился сказать то, что держал в себе весь урок.

— Спрашивай.

Илья выбрал слова заранее, пока собирал тетрадь, и всё равно они вышли не такими гладкими, как планировалось.

— Вы верите в то, что рассказали? Про лагерь, про зиму эту. Или это… больше для урока. Чтобы было интересно.

Он ждал, что учитель усмехнётся, скажет что-нибудь про архивные документы и достоверность источников, про то, что историк имеет дело с фактами, а не с верой. Но Виктор Семёнович молчал, и молчание это длилось дольше, чем требовалось для простого ответа.

Он отвернулся к окну. За стеклом, покрытым по нижнему краю тонкой коркой инея, темнела кромка леса — в четыре часа дня здесь уже смеркалось, зимнее солнце садилось рано и неохотно, оставляя небо серым, без красноты заката, просто меркнущим слой за слоем. Деревья стояли плотной стеной, без просветов, и граница между школьным двором и тем, что за ним, в этот час была видна отчётливей, чем днём.

— Факты — да, — сказал он наконец, не оборачиваясь. — Факты я знаю точно. Записи сохранились, пусть и неполные. А вот насчёт остального…

Он не договорил. Илья не торопил его, чувствуя, что если перебить сейчас, учитель уйдёт обратно в привычный тон, в который заворачивают неудобную правду, — тон методички, сухих цифр, безопасного прошлого, которое давно закончилось и никого уже не касается.

— Я здесь работаю восемнадцатый год, — продолжил Виктор Семёнович. — Приехал совсем молодым, думал — годик перекантуюсь, наберусь опыта и обратно в город. И знаешь, в первую же зиму что-то было не так. Не могу сказать конкретнее. Просто место… неправильное. — Он произнёс это слово так, будто сам не был доволен им, но другого не находилось. — Не в том смысле, что плохое. А в том, что здесь что-то идёт не так, как положено. Как будто то, что случилось здесь когда-то, не закончилось до конца.

Илья почувствовал, как у него холодеет под ложечкой, не от страха — от узнавания, от того, что кто-то взрослый, с дипломом и архивными справками, произносит вслух то, что сам он боялся сформулировать даже про себя.

— Что значит — не закончилось?

Виктор Семёнович повернулся к нему наконец, и в свете кабинетной лампы, жёлтом, неярком, лицо его показалось Илье старше, чем обычно на уроках — не морщинами, а каким-то выражением, усталым и осторожным одновременно.

— Знаешь, бывают места, которые будто помнят, — сказал он тихо. — Я не историк в этом смысле, не мистик, упаси бог, не собираюсь тебе сейчас байки травить. Но за эти годы я привык к одной вещи: я не остаюсь в школе допоздна зимой. Никогда. Ни разу с тех пор, как здесь работаю.

— Почему?

— Не могу объяснить, — честно ответил он, и в этой честности было больше правды, чем в любом развёрнутом ответе. — Просто не остаюсь. Коллегам не рассказываю, скажут — суеверия, скажут — слишком долго сижу в архивах, вот и мерещится. Может, и правда мерещится. Но лучше я уйду домой засветло и лягу спать с этим чувством, чем останусь проверять, откуда оно берётся.

Он снова посмотрел в окно, и Илья проследил за его взглядом: лес стоял неподвижно, без ветра, без единого шевеления веток, и от этой неподвижности почему-то становилось не спокойнее, а наоборот.

— Место помнит, — повторил Виктор Семёнович, уже скорее для себя, чем для Ильи. — Звучит глупо из уст учителя истории. Но иногда мне кажется, что оно не просто помнит — оно ждёт, чтобы кто-то вспомнил вместе с ним.

Он замолчал, и в этой паузе Илья вдруг понял, что больше вопросов задавать не нужно — не потому, что не осталось сил, а потому, что ответ он уже получил, и получил не из учебника, не из архивных записей, а оттуда, откуда правда приходит реже и стоит дороже.

— Спасибо, — сказал он, и голос вышел тише, чем хотелось.

Виктор Семёнович кивнул, не прощаясь, снова повернувшись к окну, будто разговор для него уже закончился раньше, чем для Ильи.

Илья закинул рюкзак на одно плечо и пошёл к двери, стараясь не издавать лишнего шума ботинками по линолеуму, как будто громкий звук мог что-то спугнуть или, наоборот, привлечь. У самой двери он остановился, взялся за ручку и, не зная толком зачем, обернулся.

Виктор Семёнович стоял у окна всё в той же позе — неподвижно, вполоборота к кабинету, лицом к тёмной кромке леса за школьным двором. Свет лампы падал на него сбоку, обрисовывая профиль, и выражение этого профиля не было похоже ни на задумчивость, ни на усталость после рабочего дня. Оно было похоже на ожидание — то, с каким смотрят не на пейзаж, а на дверь, за которой вот-вот должны постучать, и стучать будет не тот, кого хочется впустить.

Илья тихо прикрыл дверь за собой и пошёл по коридору, где из плохо прикрытых форточек тянуло тем же холодом, что и в кабинете, не по сезону острым, цепляющимся за одежду, как будто он нёс его с собой весь путь от окна до выхода.

Глава 6. Открытое окно

Столовая встретила его запахом каши и гулом, который был громче обычного — не тем ровным утренним шумом, когда звенят ложки и кто-то жалуется на домашнее задание, а каким-то рваным, стянутым в узлы вокруг отдельных столов. Илья только взял поднос, как заметил: никто почти не ест. Тарелки стоят нетронутыми, а головы наклонены друг к другу.

— Ты слышал? — девочка из параллельного класса схватила подругу за рукав прямо у раздачи, не замечая, что загораживает очередь. — Про Виктора Семёновича?

Подруга помотала головой, и первая зашептала, понизив голос почти до неслышного, но в тишине столовой слова всё равно долетали, как будто их несло сквозняком.

— Он умер. Ночью. Нашли утром, когда не пришёл на завтрак.

Илья замер с подносом в руках. На секунду ему показалось, что он ослышался, что речь о ком-то другом, о каком-то постороннем Викторе Семёновиче, не о том, с кем он вчера стоял у окна кабинета и слушал про место, которое помнит. Но имя прозвучало снова, и снова, дальше по столовой, передаваемое от стола к столу, обрастая подробностями, как снежный ком обрастает снегом, катясь с горы.

Он сел за свой стол, не чувствуя вкуса каши, и слушал.

— Окно было открыто, — рассказывал кто-то за соседним столом, явно повторяя чужие слова, — настежь открыто, представляешь, в такой мороз.

— Воспитательница говорит, минус двадцать было в комнате. Батарея работала, а в комнате минус двадцать.

— А на нём обморожение. Прямо как будто он всю ночь на улице простоял, а не в комнате лежал.

Илья поднял голову. Говоривший — мальчик с третьего этажа, кажется, из параллели у биологов — сидел с таким лицом, будто сам не до конца верил собственным словам, но повторял их, потому что они уже ходили по школе и остановить их было нельзя.

— Это кто сказал про обморожение? — спросил кто-то с сомнением.

— Уборщица говорила. Она убирала этаж, когда его нашли. Говорит, руки у него были белые, как у мертвеца замороженного, пальцы твёрдые.

— Так он и был мертвец, — хихикнул кто-то нервно, и его тут же одёрнули, зашикали, но смешок повис в воздухе, неуместный и от этого ещё более страшный.

Илья отложил ложку. В животе стало тяжело, будто он проглотил кусок льда, а не кашу. Он вспомнил вчерашний кабинет, тёплый свет настольной лампы, тихий голос учителя: «Я не остаюсь в школе допоздна зимой. Никогда». Вспомнил, как тот стоял у окна, глядя в неподвижный лес, и выражение его лица, которое тогда показалось Илье похожим на ожидание.

Он не остался. Не мог остаться — ушёл домой засветло, как и говорил, как делал восемнадцать лет подряд. А ночью всё равно умер от холода, в своей комнате, с открытым окном.

— Так, тишина! — голос завуча, Ольги Петровны, прорезал гул, и столовая начала стихать неровными волнами, с краёв к центру. Она встала у входа рядом с воспитателем — молодым мужчиной по фамилии Корнеев, который обычно присматривал за общежитием, — и оба старались выглядеть собранными, но у Корнеева подёргивалась щека, а у завуча были слишком прямые плечи, какие бывают у человека, который держится усилием воли.

— Ребята, я понимаю, что слухи уже разошлись, — начала Ольга Петровна, и голос её звучал ровно, отрепетированно, как будто она проговаривала эти слова по дороге в столовую несколько раз. — Да, этой ночью скончался Виктор Семёнович. Это большая потеря для школы, и мы все глубоко скорбим.

По столовой прокатился шёпот, и она подняла руку, останавливая его.

— Что касается подробностей — не нужно их приукрашивать и пугать друг друга. Предварительно это сердечный приступ, у него и раньше были проблемы с сердцем, вы могли не знать. Окно в его комнате, по всей видимости, распахнул ветер. Отопление в той части корпуса последние дни работало с перебоями, вы знаете, у нас зимой иногда скачет напряжение. Комната выстыла, человеку стало плохо, и помощь не успела подоспеть вовремя. Это трагическое стечение обстоятельств, не более.

Корнеев закивал рядом с ней, чуть поспешно, будто боялся, что молчание выдаст его сильнее, чем слова завуча.

— Несчастный случай, — повторил он тихо, но в тишине столовой это прозвучало отчётливо. — Бывает. Возраст, здоровье, холод — всё вместе сложилось.

Илья смотрел на их лица и видел то же самое, что видел вчера на лице самого Виктора Семёновича у окна — только наоборот. Там было ожидание чего-то, что вот-вот постучит. Здесь было старательное нежелание смотреть в ту сторону, откуда стук уже раздался.

Он вспомнил обрывок вчерашнего разговора так ясно, будто тот всё ещё звучал в ушах: «Место помнит. Иногда мне кажется, что оно не просто помнит — оно ждёт, чтобы кто-то вспомнил вместе с ним». И тогда это звучало как усталая метафора пожилого учителя, немного нервного, немного суеверного. Сейчас эти слова сидели в груди Ильи, как кусок льда, что провалился туда вместе с кашей, и никак не хотели таять.

Напротив, через два стола, он поймал взгляд Насти. Она не подошла, не помахала — просто смотрела на него через весь зал, поверх голов, поверх звякающих ложек, и в этом взгляде было ровно то же самое, что ворочалось у него внутри: не удивление, не испуг в чистом виде, а узнавание. Будто она тоже вспомнила вчерашние слова учителя, хотя слышала их через ту же приоткрытую дверь кабинета, что и Илья, стоя снаружи в ожидании, пока он закончит разговор.

Она коротко качнула головой — едва заметно, скорее для себя, чем для него, — и отвела взгляд, но Илья успел понять: она думает ровно о том же самом. Про окно, которое не могло распахнуться само. Про человека, который восемнадцать лет избегал оставаться в школе допоздна зимой.

Паша сидел чуть дальше, у окна, с подносом, к которому так и не притронулся. Обычно шумный, с утра уже успевающий кого-нибудь подколоть, сейчас он молча крутил в пальцах вилку, глядя в одну точку на столе, и выглядел так, будто ему не хватало воздуха высказаться, но и сказать было особо нечего — только это тяжёлое, неловкое молчание, не похожее на него самого.

Завуч тем временем договаривала что-то про занятия, которые пройдут как обычно, про то, что с родителями уже связались, про психолога, который будет доступен для всех желающих поговорить. Слова сыпались привычным, казённым потоком, предназначенным успокоить, и, судя по тому, как медленно расходился гул в столовой, частично это срабатывало — для тех, кто не стоял вчера у окна кабинета и не слышал голоса, в котором было больше правды, чем в любом официальном объяснении.

Илья отодвинул поднос, так и не притронувшись к каше, и подумал, что холод, который он почувствовал тогда в коридоре возле кабинета истории, провожая Виктора Семёновича взглядом через приоткрытую дверь, никуда не делся. Он просто переместился вместе с ним сюда, в тёплую, шумную столовую, и теперь сидел где-то под рёбрами, тихо, упрямо, напоминая, что место не просто ждёт.

Оно уже начало брать своё.

* * *

Коридор учительского крыла начинался сразу за лестницей, и обычно туда не ходили без дела — там были только кабинеты и две комнаты, где жили приезжие преподаватели. Сейчас дверь в самом конце была приоткрыта, и у неё толпились люди: завуч Ольга Петровна, кто-

то из воспитателей, мужчина в форме, которого Илья видел впервые — наверное, тот самый участковый из посёлка, про которого шептались в столовой.

Настя остановилась первой, у поворота, будто наткнулась на невидимую стену, и Илья встал рядом, стараясь смотреть не слишком пристально. Дверь комнаты была прикрыта неплотно, и в щель виднелся кусок подоконника, заиндевевший так, будто его присыпало мукой. Участковый что-то негромко говорил, кивая на окно, завуч отвечала, прижимая к груди папку, и ни один из них не повышал голоса — только интонации были слишком ровными, слишком отработанными, как у людей, которые уже решили, что скажут, и теперь просто проговаривают это вслух для порядка.

— Неисправная щеколда, — донеслось до Ильи обрывком. — Старая рама, подвело уплотнение…

Он не стал слушать дальше. Слова складывались привычно, годились для отчёта и для родителей, но не объясняли, зачем взрослому человеку, который восемнадцать лет не оставался в школе допоздна зимой, провести единственную ночь внутри здания с открытым настежь окном.

Фраза всплыла у Ильи в голове целиком, будто он снова стоял у приоткрытой двери кабинета истории и слушал.

«Я не остаюсь здесь допоздна зимой. Ни разу за восемнадцать лет».

Вчера это прозвучало как признание усталого человека, может быть, немного странного, может быть, суеверного — не то, на чём стоило задерживаться. Сейчас, в коридоре, под запахом холодного камня, который тянуло даже через прикрытую дверь, фраза встала на своё место и обрела вес предупреждения. Только услышать его было уже некому.

— Он ведь знал, — тихо сказала Настя, не глядя на Илью, продолжая смотреть в сторону двери. — Он весь разговор знал, что говорит не просто так.

Илья промолчал, потому что сказать было нечего — ответ был бы тем же самым, что уже вертелось у него внутри с самого утра.

— Это случилось сразу после того, как мы с ним поговорили, — добавила она ещё тише, почти одними губами, и повернулась к Илье. — Я понимаю, как это звучит. Но ты ведь тоже об этом думаешь.

Он думал. Весь завтрак, всю дорогу до этого коридора он прокручивал одно и то же: разговор в кабинете, рассказ про лагерь, про замёрзших заключённых, про дороги, занесённые снегом, и слова учителя под конец, сказанные почти шёпотом, будто он признавался в чём-то постыдном. А потом — ночь, окно, мороз в комнате, обморожение на теле человека, который спал под крышей, в отапливаемом здании, в двух шагах от батареи.

— Совпадения бывают, — сказал Илья, но голос прозвучал неубедительно даже для него самого.

— Бывают, — согласилась Настя. — Только оно какое-то слишком точное.

Сзади послышались шаги, быстрые, с тем особым звуком кроссовок по линолеуму, который ни с чем не спутаешь, и Илья обернулся. Паша шёл к ним от лестницы, без обычной развязности в походке, сунув руки в карманы толстовки, и вид у него был такой, будто он всю ночь не спал и теперь решал, стоит ли вообще подходить.

— Вы тоже сюда припёрлись, — сказал он, останавливаясь рядом, и покосился на дверь в конце коридора. Голос был тише, чем у него обычно получалось, и без привычной подначки.

— А ты зачем? — спросила Настя.

Паша неопределённо пожал плечами, глядя мимо них на толпу взрослых.

— Да я мимо шёл. — Он помолчал, потом добавил, уже другим тоном, не оборачиваясь: — Слушайте. Я вчера поздно с тренировки возвращался. Часов в одиннадцать, может, позже.

Он замолчал, будто взвешивал, стоит ли продолжать, и Илья почувствовал, как внутри что-то сжимается в ожидании — не страх ещё, но что-то близкое к нему, холодное предчувствие того, что сейчас услышит подтверждение тому, о чём старался не думать.

— Я шёл как раз мимо этого крыла, — продолжил Паша. — Там снег был нетронутый под окнами, свежий, его не чистили с обеда. И там были следы. На снегу.

— Какие следы? — спросила Настя слишком быстро.

— Такие же, как у хозблока. — Паша посмотрел на неё, потом на Илью, и впервые за всё время, что Илья его знал, в его взгляде не было ни капли насмешки, одна растерянность, которую он явно не привык носить на лице. — Узкие, будто кто-то в одних носках прошёл или вообще без них. Шли от угла к самому окну, прямо под то, которое потом открытым нашли. А потом обрываются. Просто обрываются, посреди снега, и всё, дальше ничего нет. Ни обратно, ни вбок. Как будто человек встал там и испарился.

Он произнёс это ровно, стараясь звучать буднично, но пальцы в карманах толстовки заметно шевелились, будто он комкал там что-то невидимое.

— Я сначала подумал, показалось, — добавил он. — Темно было, фонарь на той стороне не горит который день. Хотел подойти, посветить телефоном, а потом… — Он осёкся, не договорил, и это молчание сказало больше, чем любые слова. — В общем, не подошёл. Домой пошёл. Быстро.

Илья посмотрел на дверь в конце коридора, на спины взрослых, заслонявших вход, и подумал о том, что там, за ними, прямо сейчас лежит объяснение про неисправную щеколду и подведённое уплотнение, в то время как снаружи под этим же самым окном всю ночь пролегали следы, обрывающиеся в пустоте. Два этих факта не укладывались рядом ни при каком раскладе, и, судя по лицу Насти, она понимала это так же ясно, как и он.

— Надо сказать кому-то, — произнесла она, но без особой уверенности, будто сама не верила, что это что-то изменит.

— Кому? — хмыкнул Паша, впрочем, без прежней издёвки, скорее устало. — Вон тому с погонами? Он спросит, трезвый ли я был, и на этом разговор закончится.

В этот момент дверь приоткрылась шире, из комнаты вышла завуч — та самая, что утром успокаивала всех в столовой, — и, заметив троих подростков в коридоре, нахмурилась, будто увидела что-то совершенно неуместное на месте происшествия.

— А вы что здесь делаете? — спросила она резко, без особой злости, скорее на автомате. — Урок через пять минут, бегом в класс, нечего тут стоять.

— Мы уже уходим, — быстро сказала Настя.

— Бегом, я сказала, — повторила она и махнула рукой в сторону лестницы, провожая их взглядом, пока они не завернули за угол.

Илья шёл последним, чувствуя спиной этот взгляд, и у него не выходило из головы, как легко, почти механически взрослые отмахивались от всего, что не укладывалось в объяснение про щеколду. Не потому, что не замечали нестыковок, — он видел, как участковый задержался взглядом на окне чуть дольше, чем требовалось для протокола, — а потому, что были не готовы признать, что нестыковки вообще существуют. Проще было назвать это несчастным случаем и закрыть дверь, чем выйти на улицу и посмотреть на снег под окном самим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.